

Михайлович Р

ТЮМЕНЬ Литературная

*...И счастье
пока на и
Горит, горит
звезда моих и*

Газета писателей России и Русского Зарубежья

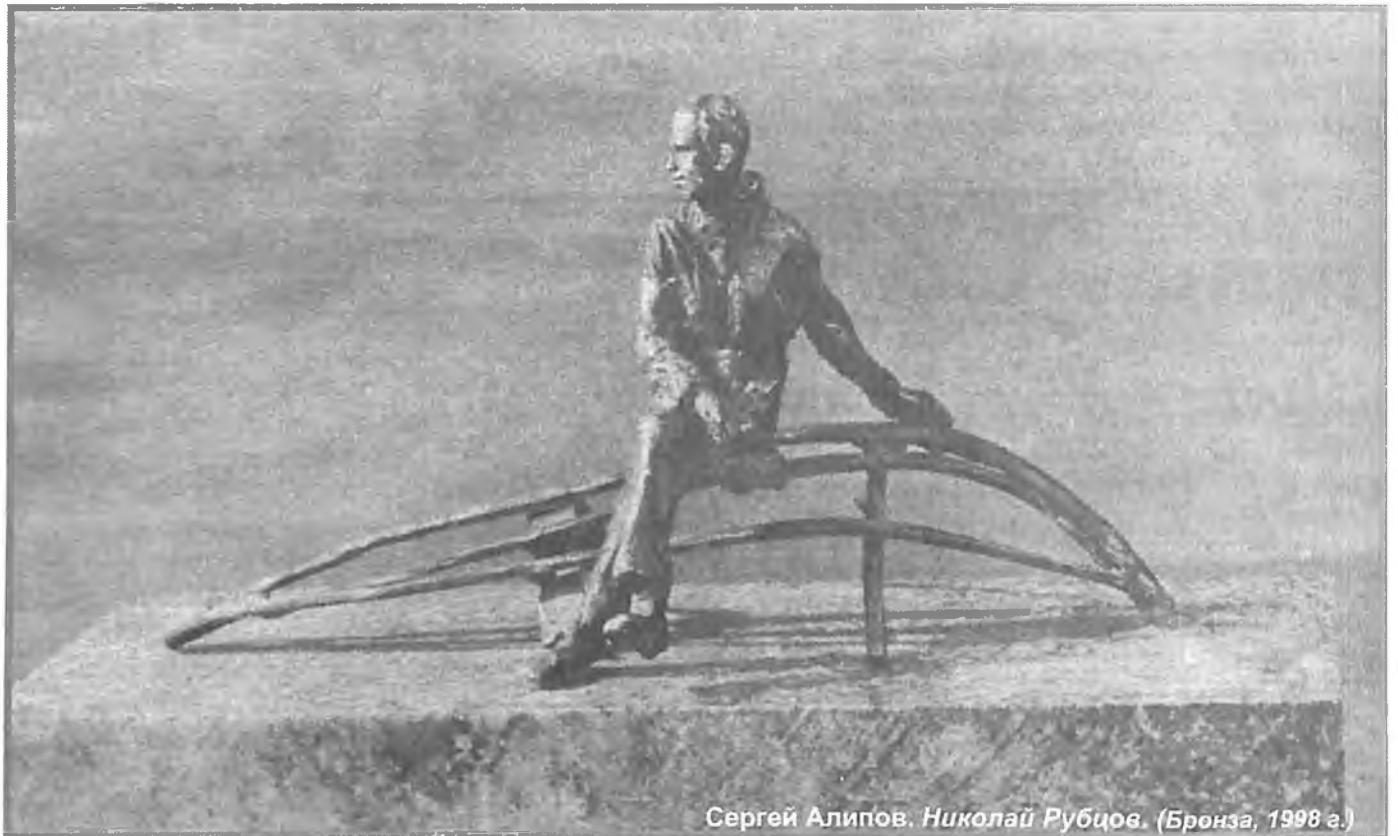
RUSSIA № 3 (68)₂₀₀₁ TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

*Жизни и творчеству замечательного
русского поэта посвящен
этот номер*

Сергей Алипов. Николай Рубцов. (Бронза, 1998 г.)

Николай Рубцов

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

*Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догнет совсем.*

*Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!*

*Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...*

Валентин Распутин:

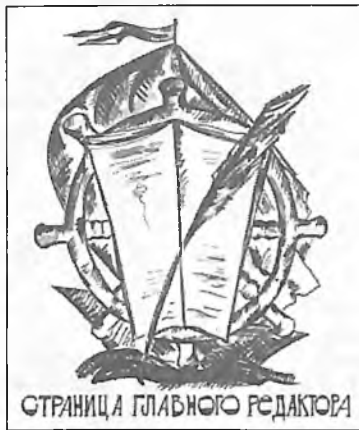
Чудный изныв русской души по Родине вслед за Есениным пропел Рубцов. Но не повторил, а извлек в небывалых доселе звуке и чувстве, в которых радость и боль, близкое и далекое, небесное и земное существуют настолько слитно, будто это одно и то же и есть!

* * *

В январские дни этого года столичная и глубинная поэтическая Россия отметила 65-летие со дня рождения Николая Рубцова и 30-летие со дня его трагической гибели.

Значительный по размаху праздник поэзии прошел в Сургуте.

“Там жили поэты...”

Блоковская строка... Она всякий раз восходит в памяти, когда посещаю эти останкинские пенаты. Конечно же, никакой “болотной и зыбкой почвы”, обычный городской пейзаж. И наша знаменитая семиэтажка — общежитие Литературного института на улице Добролюбова, 9/11. И ныне здесь живут поэты — “племя младое, незнакомое”. И может, кто-то прославится, как знаменитый литинститутовец Рубцов. Кто знает. А пока спешат они по знакомой тротуарной дорожке на лекции: на углу остановки все того же троллейбуса № 3, как и в нашу пору...

Напротив — тот же знакомый скверик. Обглоданные ветром скелеты рослых тополей, заснеженная отчужденность пространства. Раньше здесь были заросли кустарника, а в летнюю пору вымахивала трава, подступая к натоптанному “пятачку” с двумя скамейками. Не пустовали они...

Помню, июньским утром шестьдесят девятого я жал здесь руку земляку Вене Колыхалову, поздравлял его с получением диплома. Он подошел возбужденный, несколько помятый минувшим выпускным “сабантуем”.

— Все, старик, закончили! — и обернулся, крикнул. — Коля, я сейчас, подожди...

Я посмотрел вслед знакомой фигуре, уходящего по тротуару Николая Рубцова.

Пожелав ни “пуха”, мне четвертокурснику, земляку, доропясь “раздобыть пивка”, зашагал, догоняя своих, уже как бы отколотый от минувших лет, что прошли в этом доме поэтов...

Не первый раз ловлю себя на мысли о том, что лучше не возвращаться на прежние заветные места. Вот к этому порогу, например. Не повторится то святое волнение, тот трепет надежд, манящей впереди будущности...

Но под эту крышу, знаю, приезжали и другие выпускники, бывая по делам в столице. Звала сюда не только память о былом, но порой и житейская необходимость — “перекантоваться” за малую плату на койке родной общаги. Студентами мы платили здесь за месячное проживание по рубль тридцать в советских “баксах”. Вот и “цеплялся” за эту возможность пожить в столице безденежный, бездомный Рубцов...

Ныне здесь демократические нововведения. В небольшом “предбаннике” караульная будка с охранником в пешотном обмундировании. Пропускной режим. Турникет-вертушка, проникнуть сквозь которую невозможно, не поставив на голову дорожную сумку...

Здесь жили поэты.

Впрочем, зря я с иронией. Вот на дверях слева приличная вывеска — “Клуб молодого литератора”, прежде не было.

При нас, хочется сказать. На доске объявлений красочная афиша, приглашающая в ЦДЛ на юбилейный вечер поэта Юрия Кузнецова. Тоже наш выпускник. В “Литроссии”, что купил по пути в газетном киоске, Кузнецов назван гениальным.

Администраторша гостиницы при общежитии “о Рубцове слышала, здесь жил”. О Циклопе, прежнем грозном коменданте общежития, “не помнит”. Гонял, гонял нас за беспорядок в комнатах. Впрочем, беспорядок этот “поэтический” и мне не понравился, когда я, вышколенный морской службой, опоясанный ремнем с якорем на “бляхе”, появился здесь впервые. Отыскал веник и стал прибираться в нашей комнате. Чем крайне удивил и даже возмутил Ваню Тучкова, поэта-севастопольца: “Тебя трогает этот мусор? Нет! Вот и его не трогай!”.

...Курю на лестничной площадке НАШЕГО третьего этажа. И остро чувствую необратимость ушедших лет. Тихо. Но не должно быть этой тишины. Кажется, вот сейчас спустится с этажа очников Боря Примеров, кивнет в задумчивости. Или выкатит откуда-то подгулявший Алекса Абдулаев, начнет задирается. Впрочем, он “задирает” чаще своих соплеменников-кавказцев. А я общался больше с вологодцами. В ту пору их тут был обширный “выводок”...

Тишина. За окном, что смотрит во внутренний двор, сыплет снег. Господи, стоит, как и стоял на своем месте, мощный бетонный куб. Шутили мы тогда: кому-то постамент под памятник подготовлен! А Ваня Тучков, увидев этот куб, мгновенно отреагировал: “Через каменное и стальное вижу мощь я родной страны!”.

Воспоминания... А недавно в Сургуте отмечали широко и осторожно “Дни Рубцова”. С этих дней, собственно, и оказался я здесь. Вот по этим коридорам, по этим ступенькам ходил поэт Рубцов, тогда уже знаменитый! Сегодня он где-то над нами всеми, в иных сферах — в вечности, в бессмертии. Что бы ни говорили о нем недоброжелатели. Оказывается, есть таковые...

Но мир не без добрых людей, как говорят на Руси. Добрые поддержали и идею выпуска номера “Тюмени литературной” с материалами о жизни и творчестве поэта. Откликнулись друзья Николая Михайловича в разных городах и всяех. Прежде всего, сургутяне: рубцовский Центр во главе с Сергеем Лагеревым, власти Сургута — департамент по культуре, возглавляемый заместителем мэра города Я. С. Черняком.

Но... Что-то горчит, тревожит, не дает успокоения. Листаю подаренную мне вчера поэтом Валентином Сорокиным книгу “Крест поэта”. Что ни страница, то пронзительная боль, что ни имя русского поэта — трагедия:

“Убит Пушкин. Убит Лермонтов. Убит Гумилев. Затравлен Блок. Затравлена Цветаева. Затравлен Есенин. Затравлен Маяковский. Уморен голодом Хлебников. Убит Павел Васильев, убит Борис Корнилов, убит Дмитрий Кедрин, убит Николай Клюев, колымской пургой замечена молодость Варлама Шаламова и Бориса Ручьева. Русскому таланту — заграда!..

Кто русских сегодня пощадит, ну?.. Где Дмитрий Блынский? Где Павел Мелехин? Где Вячеслав Богданов? Где Иван Харабаров? Где Борис Примеров? Где Николай Рубцов? В могиле. Под крестами...”.

Выхожу в московскую непогоду. Как-то отстраненно и с болью смотрю на нашу семиэтажку — пристанище российских песнопевцев. Хороших и разных. Прославленных и пока никому неведомых...

Россия, Русь, храни, береги своих поэтов!

Николай Денисов.

Валентин Сорокин

ГОНИМАЯ ДУША

Теперь, когда улеглись наши страсти вокруг имени Николая Рубцова, а стихи его "обвыклись" в литературной и житейской среде, — «утишилось», и само отношение людей, почитателей поэта, к нему. Началось утление: талант Николая Рубцова, как родной пронзительный всполох, затрепетал и, золотая, ровно засветился...

Идущий видит, соизмеряет между ним и собой расстояние, собираясь превозмочь дорогу, радуется и грустит. Радует — впереди пульсирует извечный голос крови человечества — искра ожидания, теплота встречи, свет любви. Грустит — томит преодоленное, оставленное, тревожит предчувствия неясностей, неустойчивости и случайных размолвок:

*Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели.
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем*

мертвом поле!

Конечно, и в шестидесятых, в семидесятых годах потребность в более широком и глубоком самовыражении наций не была незаметной, не была примитивной и поверхностной. Мир бурлил. Век, так мне казалось, разворачивался и, пыльный от индустрий и войн, уходил в племена, народы, в страдания и трагедии наций, будя их, будоража страны, державы, континенты, беспокоя этим предгрозовым гулом чуткое сердце пахаря и сталевара, философа и поэта. "Я был один живой..." Один ли?

Философ думает. Поэт страдает. Пахарь латает рубаху. Сталевар не в силах понять: куда деваются моря пламенного железа? Трактор есть, а молока детишкам не хватает. Танки и корабли есть, а границы постоянно требуют зоркости. Философ размышляет, сопоставляет, накладывает эпоху на эпоху, изучает ситуацию политик, принимает меры правитель. А у поэта что? Поэт страдает, видя плохого одетого пахаря, не кормленных его детей. Страдает, видя длинную очередь, если не за продуктами, то за водкой. Страдает, видя в очереди — сталевара, колышающего морями стали, морями огненного железа.

Поэту, наверно, тяжелее всех, никто за него не скажет:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу, —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.*

Что-то, похожее на "Стой", "Остепенись", "Замолчи". Или — на шелот: "Вот она, могила!", "Пришел?", "Нашел", "Узнал"... Соседи разговаривают о чем-то

вместе, а думают врозь, — философы. А поэт и разговаривает один. С самим собой разговаривает. Ищет. Не находит. Опять страдает.

Николай Рубцов — ярко один. Одиночество думающего, одиночество страдающего горит, как тот дорожный свет, над его коротким заботливым творчеством, напоминающим северную церковь с положенными ей селами и городами.

Но это — "на том берегу", как ответили жители. Между поэтом и народом такая река непокая! Как расстояние между идущим и между золотым всполохом... Мы наелись революциями. Наелись войнами. Нагоревались могилами. Владимир Маяковский надоел. В те годы водка была дешевая, а жизнь дорогая. А сегодня жизнь дорогая, а водка еще дороже... В те годы, выпьет рабочий класс — слушает Маяковского: "Радуюсь маршу, с которым идем в работу мы и в сражение!".

Слушает-то слушает, но сквозь марши и саженьи шаги нет, нет, да и кольнет в грудь кукушечный голос, крик заданного поля, истоптанной и взрытой синевы — Сергей Есенин. Что-то случилось с Владимиром Владимировичем Маяковским. Что-то случилось с народом, что-то случилось с Есениным: он возвращается — народ опаматывается, Маяковский каменеет.

Тачанка Революции остановилась. Кони в пене. Анка, пулеметчица, — бездетная вдова... Лихие рубаки растворились в степных травах и сгнули в скифских курганах. Что же случилось? Что же случилось? Если:

*Пришел октябрь. Пустынно
за овином.*

*Звенит снежок в траве обледенелой,
И гложет жизнь под небом*

оловянным,

*И лишь почтовый трактор хлопотливо
Туда-сюда мотается чуть свет.*

*И только я с поникшей головою,
Как выраженье осени живое,
Проникнутый тоской ее и дружбой,
По косогорам осени брожу
И одного сильнее всего желаю —
Чтоб в этот день осеннего распада
И в близкий день ревущей*

снежной бури

*Всегда светила нам, не унывая,
Звезда труда, поэзии, покоя,
Чтоб и тогда она торжествовала,
Когда не будет памяти о нас...*

Только ли Николай Рубцов задумался? Задумалось прежде всего — его поколение. А поколение задумалось потому, что уже давно, давно задумались деды и отцы: куда скакала тачанка? Почему у Анки, храброй и красивой, детей на свете не осталось? Зачем в России так много одиноких братских могил? Братский труд — понятно. Но — братская могила? А у нас их тысячи, миллионы. А туруханские могилы? А ко-

лымские могилы? И тоже — братские, братские.

Вот и "глохнет жизнь под небом оловянным. И лишь почтовый трактор хлопотливо туда-сюда мотается"... А нынче в знакомом "грязном бездорожье" и трактор не нужен. Деревня вымерла. Она сперва постарела, постарела, ссутулилась, ослепла и замолкла: могил много, особенно братских!.. Сиротские погосты: могил много, и прибраться некому. Сиротские погосты. Брошенные погосты. Нищие погосты.

По моим наблюдениям — Николай Рубцов сдержанно любил поэтов: трудно, осмысленно. НЕ любил — без неприятности: тоже трудно и осмысленно.

Так вправе ли мы винить Маяковского за безоговорочную взвинченность восторга, если пуля депрессии унесла его жизнь? Вправе ли мы боль Есенина считать "окачательной верной", если "С того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий" и сейчас — вопрос?

Поэт Николай Рубцов напоминает мне честного печника, кладущего печь. Каждый кирпич поднят и "пригнан" с крестьянским терпением, ладом и тайной мечтой: вот затрещит лучина, загудят своды, потеплеет в доме, испарится иней с бревен и рам, посыпшится в горнице речь, русская, не охрипшая от холода, голода и заварухи.

Лишь наивно оценивающий прошлое критик утверждает "независимую, подспудную" способность Николая Рубцова — не впасть в "совриторику", в скудобокую, худорбную трибунщину и лозунговость. Талант поэта не бывает не зависимым от времени, истории, событий. А способность поэта, да еще такого, по лесному настороженному, как Николай Рубцов, вся — в шелесте, в шорохе, в громе дня, вся.

Необходимость высказаться, вскрикнуть, позвать, отринуть, рождаемая в народе, охваченная социальным движением, реализуется поэтом, громким, как Владимир Маяковский, или нежным, как Сергей Есенин, не важно: принцип "реализации" един — детали истины.

Чуткий, музыкальный, медленно смежающий веки, как мудрый токующий глухарь, — поэт Николай Рубцов! Да, Рубцов. Я заявляю: Николай Рубцов среди нас, поющий — очень думающий, декламирующий, даже когда смеялся — думал... Гитара его не долбила по нервам, не изнывала, а тревожно уводила к памяти, к лагу, к погосту, к реке, где за туманом еще помигивал пароходик детства и надежды. Голос, жесты поэта чуть притормаживались, как будто чего-то немножко опасались, и потом — обретали ритм, свойство общения.

За Николаем Рубцовым — стоит, безусловно, ближе всех к нему, Сергей Есенин. Но, пусть меня опровергнут, и Маяковский рядом, тем паче в зачине творческого слога:

*Я весь в мазуте, весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!*

Не спеши, критик, "разнести меня за эти "открытия". Мое поколение росло под назидательным "прессом" Маяковского, потому оно молитвенно тянулось к Есенину. Но "пресс" Маяковского — "пресс" партпрограмм и прочих "исторических" манифестов, использовавших гранитный огонь Маяковского, огонь горлана-главаря. Я не хочу, нет нужды, задерживать Николая Рубцова на "пролетарской" лесенке, он быстро ее миновал и забыл.

Вернувшись из-за морей, отштормившая юность поэта расширенными глазами, полными слез признания, слез разлуки, как бы заново "осела", вникла, внедрилась, выплакалась в родной край, вологодские деревни, села и города. Даже холмы и взгорья Вологодчины, как живые, она взяла на руки, тяжело подержала, показывая народу, и принесла их в Москву.

Николай Рубцов — редкий поэт. Тончайшие, почти еще блестящие, лишь еле-еле, проносающиеся в душе и в голове наития, ощущения, сомнения, завязи догадок и порывов, он умело закреплял, соединял в хрупкий многозначный рисунок, наслаивал на этот рисунок робкую, почти неуловимую подтекстовую вязь, дополнял, наделял острыми приметамы, и под сердцем, наедине со своими страстями и муками окрыленного вдохновения, лепил образ, и музыка находила музыку, дума находила думу:

Взбегу на холм

И упаду в траву,

И древностью повеет вдруг из дола!

И вдруг картины грозного раздора

Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных

берегах

И вереницы птиц твоих, Россия,

Затмит на миг

В крови и жемчугах

Тупой башмак скуластого Батыя...

Но вот — первая часть стихотворения, вводно-общая. Хотя и тут двуединое упоминание через "из дола": "И древностью повеет вдруг из дола! И вдруг картины грозного раздора" — "вдруг" и снова — "вдруг", а весьма маленькой "площадке", есть — динамит поэта, магия взрыва.

А вот вторая часть? Где:

Россия, Русь — куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы.

Люблю твои избушки и цветы,

И небеса, горящие от зноя,

И шепот их у омутной воды,

Люблю навек, до вечноного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Смотри, опять в леса твои и доли

Со всех сторон нагрянули они,

Иных времен татары и монголы.

Они несут на флагах черный крест,

Они крестами небо закрестили,

И не леса мне видятся окрест,

А лес крестов

в окрестностях

России.

Пишешь о поэте — цитируй его! Иначе — немота, предвоенная немая кинокартина: герои нравятся, а речь их не слышна. Цитировать замечательных по-

этов, это — петь, это — плакать, это — смеяться. Цитируйте. Живите страстями поэтов! Не ошибетесь.

Смотрите, началось колдовство-доказательство — что ему дорого, что ему — главное, до смертного часа, до могилы?!

Началось, началось перечисление, бабушкинское, дедовское, сказочное, былинное, ворожейное: "Люблю твою, Россия, старину, твои леса, погосты и молитвы", и далее — избушки, цветы, омутная вода, ивы и вечный покой, и снова: «Россия, Русь! Храни себя, храни», и — жесткое, сумасшедшее, беспощадное — "кресты", черная тень пожаров, черная тень бредущих из павших пращуровых крепостей.

Неба нет. Доли нет. Синевы нет. Огонька того нет. И дороги нет. Небо "крестами закрестили" и "лес крестов" тут, в "окрестностях России"... Образ опустошенной дали. Образ опустошенного, дрожащего от набегов края. Пепел. Черный ветер.

И толстый, красный столб огня — Батый. Он вырастает. Дышит. Сопит. Вокруг него движется все, что было погостом, селением, холмом, городом. Вот как разговаривает поэт наедине с предками, как он реально будет! Николай Рубцов бывает предельно жестоким в стихах, не жестокостью человека, а жестокостью бессонного мастерства, жестокостью кары призвания. Ведь призвание карает поэта священной ревностью покоя! Смотрите:

Кресты, кресты...

Я больше не могу!

Я резко отниму от глаз ладони

И вдруг увижу: смиро на пугу

Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они — и где-то у осин

Подхватит эхо медленное ржанье,

И надо мной — бессмертных

звезд Руси,

Спокойных звезд безбрежное

мерцанье...

Третья часть стихотворения. Но опять — кресты, кресты! Опять — "вдруг увижу", опять — трава, кони жуют, эхо домашнее почти, и выход, внезапный, огромный, вечный, с молниеподобным звуком: "бессмертных звезд Руси, Спокойных звезд безбрежное мерцанье", физически "з" мерцает, звезда выходит из молитвы, из бездонья, из вечности, обнимающей Россию и нас.

К Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, Некрасову, Блоку, Есенину пришел поэт от рублено-пролетарского:

Забрызгана

крупно

и рубка,

и рында...

* * *

Среди пьющих непьющий — подзритель. А среди некурящих курящий — противен. Хорошо чувствует себя в любой "испорченной" компании человек, умеющий выпить без "акцента" на частоту тостов, умеющий курить неврдно для окружающих. Но у поэта так не получается. Поэт пахнет ветром поколения, как бетонный тракт гарью, и никуда от этого

Валентин Сорокин

не вернуть. Даже Рубцов, выросший из тавяных лугов и туманных речек Вологодчины, вымокший в клюквенных болотах северного края, не избежал — и это не худо — зависимости от "пролетарского покроя", хотя сознательно пробовал избежать. Чем нежнее в слове Николай Рубцов, тем сердечнее его повествование, тем очаровательнее его неизбежная позиция гражданина в деревне и в городе.

Несоответствия между газетчиной и жизнью, лозунгами и действительностью обострили поэта, разгневали и унизили его исконную роль. Поэт начал азартно сопротивляться демагогии и догматизму, псевдорумяности, благополучию хозяев-вожаков. И, беру смелость заметить, Николай Рубцов здесь прекрасно публицистичен, отважно решителен, неповторим осозанием:

Бессмертное величие Кремля

Невыразимо смертными словами!

В твоей судьбе —

о, русская земля, —

В твоей глуши с лесами и холмами,

Где смутной грустью веет старина,

Где было все: смиренность

и гордыня —

Навек слышна, навек озарена,

Утвердена московская твердыня!

Эти стихи были напечатаны в журнале "Молодая гвардия", где я, в конце шестидесятых годов, заведовал отделом поэзии. Сейчас иные молодые стихотворцы "шарахаются" от гражданственности, от нисходящей публицистичности, полагая: отстраняясь от нее, спасешься от слабостей и просчетов в творчестве... Смешно. Поэт выигрывает и побеждает — лицом ко времени, к его дерзости и заботам. Другого пути, над которым вспыхивает и золотее свет судьбы, нет для поэта и быть не может. Ныне завелось "травяных", "грибных", "дождевых", "земляных" поэтов больше, чем было недавно — "военных", "интеллектуальных", "крестьян-

ских", "рабочих", "партийных" и пр. и т. п.

Николай Рубцов поэт — край, поэт — церковь, из окон ее видно государство. Под куполом церкви — колокол. Набат — на случай...

Травоядие, водопитие, листошумие — не его атрибуты. Он — поэт широкий, с ответным размахом далее, с высокими небесами над собой. Продолжающий Есенина, он "деликатнее" Павла Васильева, этого Ильи Муромца. Продолжающий Есенина, он, Николай Рубцов, различнее Бориса Корнилова, сосредоточеннее Клюева, но все, названные мною поэты, — его любимые поэты. Сергея Есенина, Павла Васильева, Бориса Корнилова, Николая Клюева он знал подробно по биографиям, знал наизусть по стихам.

Опыт народа — его постоянное нормальное переосмысление и переоценка "побед в труде", "достижений в космосе", "величия в эпохе" и т. д. Опыт поэта — опыт народа и своя стезя, ныряющая то в глупость и сумятицу быта, то в грубость и никчемность литературной атмосферы, то в смятение и стыд за свою бестолочь, за свое никому не нужное существование и дар. На такие "угрызения" отпускаются минуты. Отпускаются они талантливому Рубцову и рубцовым, а их, рубцовых, мало!..

Недаром у Рубцова попадают стихи — изучение вчерашнего Рубцова, стихи — покаяния, стихи — кручина о непонятном, озарившем и промелькнувшем. Поэт жил невероятно сложно, невероятно собранно. Каждая промашка его взрывалась в нем и удесятерила муки:

*Когда стою во мгле,
Душе покоя нет, —
И омуты страшней,
И резче дух болотный,
Миры глядят с небес,
Свой излучая свет,
Свой открывая лик,
Прекрасный и холодный.*

Николай Рубцов — мастер по изучению и подаче темы. Он от темы, из темы, за темой берет все, что можно взять, что можно показать своим и чужим страстям, своим и чужим взорам. Мастер он и по определению мелодии и размера стиха, его завершенности. Единство внутреннего содержания и внешней отшлифовки произведений Николая Рубцова завидно оригинально, естественно и ненавязчиво — удачное сочетание смысла и формы.

Да, он — Церковь. Церковь, встроенная в плечо храма над деревней, над селом, или — прямо возносящаяся на площадке изъеденного пылью и обозленного грохотом города. Церковь. Храм. Тянет — войди и помолись. Не тянет — не заходи. Но мимо этой церкви, мимо этого храма разумный человек не пройдет. не "зацепившись" за жизнь и смерть, за совесть и долг... Я много лет дружил с Николаем Рубцовым. Его мировоззрение и его творчество не отмечены устойчивой религиозностью, не отмечены и бессознательной верой в реальность вечной материи, вечного обновления.

Но, будучи глубоким, с космическим воображением поэтом, Николай Рубцов

нигде ни в одной строке не омрачил великую тайну властной красоты мироздания грубым несогласием с нею, с тем, что пронизательный осязает, талантливый чувствует, гений пророчит: он сам был тайной, сам был красивым, сам был вечным...

Среднего роста. Худой. Небольшое, чуть удлинненное лицо. Глаза небольшие. Умные. Фиксирующие все. Высокий лоб, незаметно переходящий в лысину. Клетчатая рубашка. Неопределенного рисунка и цвета костюм. Темное пальто, легкое, осеннее. Кепка. Потрепанные ботинки, узконосые... Серо-белый шарф на шее. Голос глуховатый. Слова редкие. Больше молчит, чем беседует. Иногда поет под гитару. Но поет редко. Гитара — фон для растяжного чтения своих стихов. Любит слушать чужие стихи. Никогда не критикует. Молчит.

Таким я его помню. Таким и пишу. Кто знает другого — пусть даст другой портрет. Не может быть человек, тем более поэт, всегда в одинаковом расположении. В одинаковом состоянии. В доме Литературного института, общежития, на ул. Добролюбова невозможно долго сохранять хорошее или плохое настроение. Гости, идут, едут. Знакомых — уйма. Гении некуда девать... Встречи ежедневные, если не за столом, так на кухне, если не на кухне, так в аудитории.

Но гении — богаты и надменны. Гении известны, как в ту пору депутаты брежневского Верховного Совета, а в нашу пору — Алла Пугачева... Николай Рубцов в "гениях" не ходил, но студенты института и слушатели Высших литературных курсов, уважающие поэзию, ценили Рубцова.

Даже через много лет я и покойный ныне прозаик Иван Акулов "подключился" к Виктору Астафьеву:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Поскрипывали переделкинские сосны. Потрескивал в печи мороз. Седой фронтовик пел нежные строки Рубцова. Это-то трагическое заложено в них от всех нас, переживших кровавые смуты, коллективизацию, индустриализацию, блокады и войны.

Трагично то, что рядовой смысл, вложенный Рубцовым в слова, казался нам, огрубленным призывами и заветами "корифеев", нам, приученным работать и работать, воевать и воевать — слишком волнительным, слишком размягчающим нас, до слез, нас, оторванных от Есенина годы и годы:

*Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.*

Но не личная безысходность, не зимняя морозная ночь вползала в окно, когда пел Виктор Астафьев, — а великая боль великого, обреченного на нищету и братские могилы народа. Так это было.

За "Матушка возьмет ведро, молча принесет воды"... стояла револьверная Лубянка, барачная Магнитка, стоял сражающийся Сталинград, стояла родная Россия, а пел ее седой воин.

Николай Рубцова признали не критики и не сильные мира сего, нет, его признали одноклассники, ровесники, близкие и дальние друзья, так же бедно одеты, как бедно одет он, так же безденежно "счастливы", как безденежно "счастлив" он. А это признание — лучшее и самое надежное признание среди общих признаний столицы.

Его стихи-песни, до их публикации, шли, ехали, летели, по России не через "телерадио", а через память, через душу людей. Не было в его стихах-песнях ни наглой бравады, ни тюремного заблатнения, ни расхристанного обвинительства, ни хулиганской прыти — держите меня! Не было. А была — русская печаль. Русская доля. Русская тоска по свету в пути...

Незлобивый, немстительный, но иногда дерзковатый, он был окружен посильным вниманием друзей, сам берег дружбу, не терял чистого человека, если даже и что-то произойдет — недоразумение, вспышка, не терял. И это я подтверждаю.

Однажды я, Николай Ваганов, поэт из Астрахани, и прозаик Григорий Коновалов, из Саратова, допоздна засиделись в общежитии Литинститута. У Коновалова запретили роман "Истоки", набранный в журнале "Волга", а Николай Ваганов по разным делам задержался в Москве. Засиделись мы в "гостиничной" комнате у Коновалова, куда зашел и Рубцов.

Стихи, привычки, проделки поэтов, трагические их судьбы, — все имело место в разговоре. Несколько увлеченный беседой, Николай Рубцов попросил тезку, Николая Ваганова, почитать что-нибудь свое. Тот начал читать. Читал монотонно, но достойно. Стихи о Волге, о молодости. Но Николай Рубцов нервно вскопился:

— Графоман!
— Что? — растерялся я.
— Графоман!

Я дернул его за плечо. Рубцов быстро встряхнулся, смутился и тихо извинился. Так тихо и нежно, что беседа не нарушилась, не утонула в обиду, а потекла еще искреннее и обоюднее, к чему, позже, возвращался Григорий Коновалов: — Ну и ну!..

Воспитанный на бедности и на доброте, мальчик Рубцов, безусловно, тянулся к совестливой, защитительной нашей классике, и это запало в его поведение, в его нравственную натуру. Кое-кто, смакуя, рассуждает о разных "приключениях" и "выходках" молодого поэта. Но, как я вижу, его "приключения" и "выходки" — излишек доброты, излишек энергии. Вот он собрал все портреты классиков из залов общежития и со "вкусом" разместил их в своей комнате: общается с ними на равных...

Вот он, худой и невысокий, один, дерется в фойе Дома литераторов с девятью милиционерами, катается, мелькает, как хоккейная шайба, сшибает их и считает: — Раз! Два! Три! Четыре! Пять!.. Дос-

читал до девяти — замер. Миллионеры, красные от восхищения, качают его и на ладонях, бережно уносят в кутузку... Чушь. Сплетни. Банальная молва о поэте.

Мелкие "спектакли" его — смешны, аккуратны и симпатичны. Как-то, улетая в Челябинск, я отдал ему ключ от комнаты. Мы, слушатели Высших литературных курсов, имели на каждого — отдельную комнату, чем вызывали к себе торжественные претензии юных студентов. Николай Рубцов, не сомневаюсь, "специально" не сдавал экзамены то по тому, то по этому предмету: нужна была ему столица, а как в ней подольше задержаться, где найти крышу, если ни денег, ни богатых родственников?..

Возвращаюсь. Поднимаюсь лифтом на седьмой этаж — в моей комнате песня. Первый голос, низкий, буревой, атаманский — донской поэт Борис Куликов басит. Второй голос, повыше, поубористее — донской поэт Борис Примеров помогает. Третий голос, неуверенный, но очень дружеский, сипловатый — Николай Рубцов поддерживает:

*На переднем Стенька Разин
С молодой сидит княжной.
Свадьбу новую справляет,
Сам веселый и хмельной.*

Хор запнулся на рефрене "грянем, братцы, удалую!.. Княжну утопили...". Посудачили. Обменялись новостями. Примеров лег отдыхать. Куликов и Рубцов удалились куда-то. Часам к одиннадцати вечера открывает дверь Рубцов: — Валь, включи свет!.. — Поднимаюсь. Включаю. — Ложись, Коля! — Коля серьезно интересуется: — А кто вон тот на диване? — Отвечаю, мол, Борис Примеров. Рубцов разобидено вскрикивает: — Не лягу спать я рядом с этим пьяницей!

Но раздевается. Ложится. Утром увеличиваем вчерашние "концерты", хохочем, радуемся молодости, простому солнечному дню. Ведь не был же никогда Примеров пьяницей. Не был никогда и Рубцов неуправляемо привередливым среди друзей. А что это? Это — мелкая проделка поэтов. Это то, чем отличаются несерьезные поэты от серьезных чиновников.

Разумеется, поэт Николай Рубцов мог и покоечее покурлесить, уставая от безденежья, от клановости газет и журналов, от "волчьего" круга, по коему гонят у нас молодых литераторов до тех пор, пока они не восстанут или не погибнут. Погиб Дмитрий Блынский. Погиб Николай Анциферов. Погиб Иван Харабаров. Погиб Вячеслав Богданов. Им легче — похоронили. А сколько их спилось, согласно в кошмарах и нищете?

Смерть Николая Гумилева, Александра Блока, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Дмитрия Кедрина, Павла Шубина, Алексея Недогонова — невыносимость социального мрака, подозрительность и нетерпимость вельмож, необъективность и ревностная жесткость исполнителей гнусных сатраповских приказов и повелеваний.

Нельзя облыжно чернить прошлое, нельзя. Чернить годы подъема? Чернить годы романтики? Чернить поколения,

прочные целью и здоровьем? Но что-то нас заставляет содрогаться...

* * *

Николай Рубцов рано понял трагедию народа, трагедию России, трагедию наполнила разорванного времени... И "на том берегу" у него осталось многое: Кольцов, Никитин, Суриков, Дрожжин, не говоря о Некрасове:

*Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой, —
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!
Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.
И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под алкой
О себе и обо мне.
Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После бабушки Мазая
Не осталось никого.*

Николай Рубцов — весь в этом стихотворении: чуть лукавый, озорновито добрый и потрясенно печальный от наших русских свар, небрежения, забывчивого колоссального равнодушия. Но он не обрушивается на человека, на простых людей вину, не топчет их "батыевым башмаком", как некоторые наши лидеры и литераторы, увещанные дешевыми значками. Поэт знает — кто правил кровавыми маскарарадами...

Сергей Есенин физически предчувствовал разорение России, угнетение ее народов, а Николай Рубцов воочию натолкнулся на разграбленные пашни, на отравленные родники, на кукурузную авантюру Хрущева, на колымских рабов, беззубых и опалых от цинги и недоедания на каторгах. Натолкнулся, выйдя в море и в мир, как все мы, оптимистом...

Николай Рубцов лишился в детстве материнской ласки и отцовской опеки. Это возможно заметить в нем скоро. За его легкими шаловливостями не замолкал крик одинокого самозащитного юнца, честного, строптивно-безгрешного. Задирился он куражисто, с ленцой и ворчливо, как ветхий дед.

А ненасытная боль по дому, по матери, по отцу, звенела в груди, не давала остынуть чувствам, жгла обидой за сорванные в голдную детдомовскую тьму сказки и веселые праздники. Потому в расставании с близкой женщиной, возвратившей ему утраченный в детстве уют, он терзается, тяжело признается, осознавая:

*И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.
Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.*

Николай Рубцов — опрятный поэт. Как все русские поэты, он стыдливо умалчивает о том, чему нет имени в отношениях мужчины и женщины, нет на-

звания, а есть что-то чудесное, ответственное! Нежность, искренность, абсолютная доверительность, даже молитвенность — наше, русская, в нем, наша, тысячелетняя, национальная; как есть и будет у другого народа — своя, коренная, определенная, понятная человеку...

Скучно, обидно, горько было жить в канун и в начале семидесятых. Известный ныне деятель, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев, а тогда — идеолог, руководитель вдохновенный, буквально растирал нас подшопами своей безжалостной марксистской обуви. Журнал "Молодая гвардия" подвергался с его стороны таким бытовым набегами — головы наши качались.

Он следил за "Молодой гвардией", следил за нами. Когда я перешел в издательство "Современник", яковлевские нукары раздували слух: молодого гвардейца в "Современнике"! Слова "русский", "Россия", "русские" подсчитывали по страницам книг в больших парткабинетах большие партаппаратчики, такие матери, как В. Н. Севрук, А. А. Беляев, М. В. Зимянин. Подсчитывали и выдавали нам, производственникам, олухам слабомарксистским, наотмашь.

Яковлевский марксизм тех времен — китайское дацзыбао: везде обязательно должно сильно веять коммунизмом. Ни молитвы, ни храма, ни кладбища, ни креста — яковлевский гололобый марксизм и точка! А мы сборником стихотворений Николая Рубцова занялись, неграмотные русские слепцы, тупые русофилы...

Теперь многие охотно пишут о Рубцове. Многие — по праву и по убеждению. Но есть и такие, кто мог бы написать о нем тогда, когда его не печатали, когда о нем говорили. Есть. Корить их мы не должны. За что их корить? Но забывать это тоже нам не положено.

* * *

Да, теперь и Николай Рубцов "на том берегу", и если прищуриться, увидишь: Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Федор Тютчев, Николай Некрасов, Александр Блок, в элегантных фраках, мундирах, шляпах, с тросточками... Прохаживаются по берегу. За ними — Маяковский, то в желтой кофте, то в шляпе. За ними — Есенин, то в шляпе, то в косоворотке...

А Рубцов? Рубцов, еще вихрастый, с расширенными зрачками, скачет по опустелым весям России, скачет, взрослеет, думает, принимает, сомневается, благодарит:

*Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии
тревожном
Горишь для тех, кто в поле
бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что с доброй веерою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь, во мгле — и нет тебе покоя.*

1989—1990

Статья печатается в сокращении (ред. "ТЛ").

Тюмень литературная

Прощальный костер

О Московском Кремле

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе —

о, русская земля! —

В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смиренность и гордыня —
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.
И смутно мне далекий слышен звон:
То скорбный он, то гневный

и державный!

Бежал отсюда сам Наполеон,
Покрылся снегом путь его бесславный...

Да! Он земной! От пушек и ножа
Здесь кровь лилась...

Он грозной был твердыней!
Пред ним склонялись мысли и душа,
Как перед славною воинскою святыней.

Но как, взгляните, чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный—
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь — о, русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

Привет, Россия

Привет, Россия, — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пеня нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хороевое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия, — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивою
под оконцем...

Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

Видения на холме

Взбегу на холм
и утаду
в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башимак скуластого Батья...

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

Родная деревня

Хотя проклинает проезжий,
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Никулу,
Где кончил начальную школу!

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приедем по следу
В дорогу торопится слишком:
Я тоже отсюда уеду!

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
— Ну что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда и оценит Никулу,
Где кончил начальную школу...

Тихая моя Родина

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост?
Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Звезда полей

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись смотрит в поляню.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Русский огонек

1

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мертвом поле!
Вдруг тихий свет —
пригрезившийся, что ли? —
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, — последняя надежда! —
И услышал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас...
И теплая одежда... —

Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни
было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

2

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных
фотографий!

Огнем, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал:
— Наверное, не будет.
— Дай бог, дай бог... ведь всем
не угодишь,

А от раздора пользы не прибавит... —
И вдруг опять: — Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, наверное, не будет!
— Дай бог, дай бог...
И долго на меня

Она смотрела, как глухонемая,
И головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею
в то мгновение?

Но я глухим бречением монет
Прервал ее старинные виденья.
— Господь с тобой! Мы денег не берем.
— Что ж, — говорю, —
желаю вам здоровья!
За все добром расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

3

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии
тревожном
Горишь для тех, что в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далеки,
За то, что, с доброй верою дружи,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

Утро

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, во дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —
Воспряну духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую.

Цветы

По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: — А как назывались? —

И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались "анютины глазки".

Воробей

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!

И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого что так трудно ему...

Н. Рубцов на Северном флоте

Памяти матери

Вот он и кончился, покой!
Взметая снег, забыла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.
Сижусь среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.

Там поле, небо и стога,
Хочу туда, о, километры!
Меня не свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!
Но я смогу, но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..
Кто там стучит?

Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь —
Ночные ветры?

Прощальный костёр

В краю лесов, полей, озер
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы...

И ночь, растроченная вся
На драгоценные забавы,
Радеет, выше вознося
Небесный купол, полный славы.

Прощай, костер! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом...

Хотя доносятся уже
Сигналы старости грядущей,
Надежды, скрытые в душе,
Светло восходят в день цветущий.

Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...

ПАМЯТНИК РУБЦОВУ

Скульптору Вячеславу Клыкову

Тотемский откос высок и круг. Над ним — тучи, под ним — Сухо-на. Сурова ее синева, ветрены дали. Рубцов любил это место. Поднимался с пристани в гору и садился на скамью. Скамьи там простецкие — крепкие тесины на врытых кругляшах. И народ свой, речистый — кто с теплохода, кто на

теплоход. Вовек не бывало это место пусто. И с души поэта спадала усталость скитаний. Вокруг опять родина.

Рубцов понимал свое предназначение. Сближаясь с московскими поэтами, цепко вглядывался в них, будто взвешивал дарования. Его мучил не образ, а звук, не слышимый никем. “Незримых певчих пенье хоровое”, неотступно возникавшее в нем, было столь несовместимо с криком, гамом и шумом поэзии тех лет, что он оставил столицу и надолго скрылся в тотемских лесах.

Леса встретили его поднебесным гулом, словно тоскуя о словах, могущих выразить колыбельные их вздохи. Трепетный полет облаков в каждой тростинке. А присухонская дорога и в запустенье шелестела для него бубенцами, свистела санным полозом и веяла шепотом ромашек. Звуки, томившиеся в нем, совпадали с отзвуками радостей и утрат, и складывались слова, великие в своей простоте.

Рубцов принес в русскую поэзию свое состояние духа, которого так долго не хватало среди треска риторики, колдовства метафор и безоглядной одописи. Оно, потрясенное военным сиротством, было нетерпимо к бодрячеству, чутко к боли, отзывчиво на добро. Обнаженное до заклинания, наполненное любовью к Матери-родине, такое состояние духа удерживает в слове молитвенную чистоту звучания, пучковый свет времен, бесстрашную правду пережитого. Оно не льстится на минутную смелость, потому что являет собою истинную тревогу гражданина. И, конечно, же, такое состояние духа не тихое — оно многозвучно по своей глубине. Поэтому слово Рубцова и упало в русскую душу. Поэтому оно и открылось лесенно в народе.

*Отцветет да поспеет
На болоте морошка, —
Вот и кончилось лето, мой друг!
И опять он мелькает,
Листопад за окошком,
Тучи темные вьются вокруг...*

Песня взметнулась с палубы теплохода так чисто, так широко, что сразу защемило сердце от близости родины. Песня летела над ветреной Сухоной, и, казалось, что чайки подхватывали ее белыми крыльями и уносили в просветы неба. А волны от теплохода, как вскипавшие припевы, катились к берегам и обнимали поникшие над рекой желтые ивы. Я тоже стоял на людной палубе и горячо подпевал — не столько своим слабым голосом, сколько сердцем. И это было счастливым единением природы и множества людей под размахом рубцовской песни.

Мы плыли вниз по Сухоне, к древнему городу Тотьюме, на открытие памятника поэту. А вокруг по присухонским

низинам бесконечно тянулись стога, позолоченные усталым осенним солнцем. Эти огромные картины человеческого труда, обрамленные багряными перелесками, зеленой отавой и темно-синими изгибами реки, были пронизаны раздольной и прохладной красотой северной России. Радость и печаль светилась в ней одновременно, опахивая нас то теплом лесных поселков, то холодом покинутых деревень. И думалось о том, что поэт вот здесь почувствовал “самую жгучую, самую смертную связь” со своей родиной. Здесь набрел он в ненастных сумерках на огонек вдовьей избы — огонек русского привета. Здесь встретил доброго Филоу и старика “с душою светлою, как луч” и поразился белокаменным храмам, подобно сну столетий. Незабываемые виды той Руси, которая была, и той, которая есть, таили в себе никем еще не выраженную поэзию и трепет никем не запечатленных красок. Всю эту землю Рубцов обнял душою на краткий миг своей жизни и растворился в ней.

И вот его откос. Мы поднялись по искоженным ступеням и в осенней открытости города увидели стройную белизну церковей. Они выплывали из дождливой мороси парусниками тотемских землепроходцев. Мерцали торжественно, многоярусно, узорно, и не было на Севере равных им по красоте. А люди шли и шли на откос к назначенному часу. И все теснее сближались вокруг памятника, накрытого трепетным полотном.

Прозвучал сигнал микрофона, и в многолюдной тишине стало слышно, как звенели под дождем сдвинутые зонты. Взволнованны и кратки были речи о Николае Михайловиче Рубцове. И вот этот миг, вобравший в себя всю трудную жизнь поэта. Мы, друзья его, спускаем с памятника покрывало, словно пелену разделявшего нас времени, и перед всеми людьми предстает дорогой облик.

Рубцов! Он сидит на простой скамье, скрестив на колене руки. На плечи накинуто легкое пальто с поднятым воротником и с ветрено захлестнутыми понизу полами. Как в жизни, как в свои молодые приезды сюда, на родину. Колеблется взволнованное многолюдье, всматривается в лицо поэта, мытое дождем, как живой водой. Оно сосредоточено в раздумье, приветливо наклонено к людям. И к подножию, и на скамью, и на скрещенные руки ложатся цветы. Сколько их, пламенеющих радостью встречи! О, хотя бы малая толика такого тепла овееяла поэта при жизни! Но к чему пустые сетования, труден на Руси путь к признанию. Одно утешение: мы скупо прозреваем, зато щедро спохватываемся. Как тут не вспомнишь: “За все добро расплатимся добром, за всю любовь расплатимся любовью...”

Перед отплытием мы еще раз поднялись на откос. Уже стемнело, и дождь стихал. Разорванные облака покачивали первую звезду. И мы подумали: вот она, звезда его полей. Трепетный луч касался лишь головы поэта, а нам виделось, что он весь облит звездным светом. Когда подошли поближе, нас поразило и вправду таинственное мерцание теней в облике друга. Он сидел перед нами, стоявшими совсем рядом — всего на взмах для рукопожатия, но уже недоступно одинокий, как бы вовсе незнакомый и навсегда отстраненный от нас. И тогда мы поняли, что стояли на незримой черте, навсегда отдалившей нас от него, и вглядывались из своей жизни в уже иную жизнь друга, называемую бессмертием.

И храм старины, удивительный, Белоколонный...

Тобольский кремль.

Фото А. Елфимова

«...И тихо мерцая, светило полей»

В. Кокорин

Памяти Рубцова

Как понять роковую печать,
Что лежит на российских поэтах?
Как понять, что жестокою метой
Стала чаще нас жизнь помечать?

“Выбивает” своих сыновей!
Мать-земля, как ты их принимаешь?
Были ль дети на свете родней?
Разве снова таких нарождаешь?

Но довлеет проклятия дух
Над тобою, земная утроба:
Только примем младенца из рук,
И опять в карауле у гроба.

Кто там мелет, что “это судьба?”
Пусть-ка он, в этот час, вместе с нами,
Выпьет чашу твою, за тебя.
Захлебнешься, сердешный, слезами!

Как понять этот “случай слепой?”
Как принять его мертвую хватку?
Я не знаю, кто там за тобой.
Знаю только, что все “по порядку”.

г. Вологда,
1993

В. Белов

На смерть Николая Рубцова

О, как мне осилить такую беду —
Явилась и тучей нависла.
Не скроюсь нигде, никуда не уйду
От этого подлого смысла.

Подсчитано все, даже сны и шаги.
Как холят тебя и как любят!
Но губят меня не они, не враги, —
Друзья уходящие губят.

Как будто позор предстоящего дня
Узнали и рады стараться —
Один за другим, не жалея меня,
В родимую землю ложатся.

Мне страшно без них! Я не вижу не зги,
Ступаю, не чувствуя тверди.
Кого заклинать: не отринь, помоги,
В безжалостный час не отвергни?

Ни Боги, ни Родины... Лишь Мавзолеей
И звезды, воспетые хором.
И тихо мерцая, светило полей
Горит над бессонным Угором.
г. Вологда,
1971

А. Парпара

Катунь

Катунь, Катунь, свирепая река...
Н. Рубцов

Я прихожу, уже не юн,
Но горестной тревогой юный,
Туда, где грустная Катунь
Перебирает молча струны.

Где много-много лет назад
Стоял, задумчиво внимая
Ее игре
Мой старший брат,
Своей судьбы еще не зная.

Но в силе дара убежден
И жаждою творить томимый,
Уже задумывался он
О судьбах Родины любимой.

Потом придет издалека
Другой поэт, талантом схожий,
И грустно-струйная река
Его напевом расстрожит.

Из северной придет страны
Вослед движению народа,
Чтоб убедиться: здесь вольны
Свобода, люди и природа.

И сколько юных, может быть,
Придут сюда извлечь уроки!
Быть может, лучшие сложить
Сумеют о Катунь строки.

Но каждый пусть, душой красив,
Припомнит словом,
Как присловье,

О двух больших певцах Руси —
О Шукишине и о Рубцове.

г. Москва

Н. Ленисов

Вспоминая Рубцова

Осенний сквер прохладною бодрил.
И битый час, нахохлившись

над книжкой,
Я что-то бодро к сессии зубрил,
А он курил, закутавшись в плащико.

Скамья. И рядом признанный поэт!
Заговорить, набраться бы отваги!
Мол, я из той же —
хоть без эполет! —
Литинститутской доблестной
общаги.

Он все сидел, угрюм и нелюдим,
Круженья листьев взором провожая,
И вдруг сказал: “Оставьте...
все сдадим!”

Я подтвердил кивком, не возражая.

“Вы деревенский?” — “Ясно, из села!”
“Не первокурсник?” —

“Нет, уже не гений...”
В простых тонах беседа потекла,
Обычная, без ложных откровений.

Вот тишут все: он в шарфике форсил,
Но то зимой. А было как-то летом:
“Привет, старик!” — рублевку попросил
И устремился к шумному буфету.

Теперь он многим вроде кунака,
Мол, пили с Колей знатно и богато!
А мы лишь раз с ним вытили пивка
И распроцались как-то виновато.

Потом о нем легенд насотворят
И глупых подражателей ораву.
При мне ж тогда был фотоаппарат,
И техника сработала на славу.

Он знал и сам: легенды — ерунда,
А есть стихи о родине, о доме.
Он знает-то знал — взойдет его звезда,
Но грустен взгляд на карточке в альбоме.
г. Тюмень,
1989

В. Пономаренко

Дорога на Вологду

Дорога на Вологду — это леса,
На взгорках поля и деревни.
От Ярославля — четыре часа,
Из древнего города в древний.

Дорогу на Вологду в летнюю рань
Волнует зелеными красками.
От века земле этой отдана дань
Былинами, песнями, сказками.

Из этого края легенд и лесов,
Оставив нам новую песню,
Прошел по России
Никола Рубцов,
Как белая ночь в поднебесье.

Дорога на Вологду — это к нему,
К свободным талантливым людям.
Я друга найду,
Преклонюсь, обниму,
Но будет мне миг тот
Печален и труден...

горит над бессонным Угором»

...Не камень высокий
Сейчас бы обнять,
Не слышать бы рядом
Цветы жестяные...
Как в белую ночь нам души не унять,
Так нам не забыть его — песню России!
г. Ярославль,
1978

А. Романов

Поэты

Нет у Яшина, нет Рубцова,
И Орлова меж нами нет.
Долго будет незарубцован
На душе обугленный след.
С кем теперь ни дружи и где бы,
Мы увидим из мест любых
Их стихов высокое небо,
Молодое созвездье их.
Все лучи с трех сторон — к России,
Как и улицы их имен.
К вологодской летят Софии —
К чуду белому — с трех сторон.
1978

В. Мальми

* * *

Когда не поверят от сердца идущему
слобу,
И не отзовутся осеннему крику души,
И кто-нибудь скажет:
"Он дышит в затылок Рубцову!" —
Стыдись,
к эпигонам себя причислять не спеши.
Послушай,
послушай, ну разве же мы виноваты,
Что спели до нас
(но все же не смолк соловей)
Про белые ночи, слепую улыбку заката,
Про черные очи и гордые дуги бровей.
Ты знай свою душу,
ты горю на шею не висни,
Банальные рифмы и я защищать
не берухь,
Но если недаром
Отризна рифмуется с жизнью,
Зачем же, зачем же
ты с грустью римфмуешься, Русь?
На прошлой крови восходило
любое светило.
Мы — смертные дети его некакатных
лучей...

А в общем-то каждый
Кому-нибудь дышит в затылок, —
Державину было,
Я думаю,
Всех горячеей.
г. Москва,
1981

В. Топоров

* * *

Замерзают мои георгины...
Н. Рубцов
Бред стихийного рынка
по градам российской равнины,
Где колючие взгляды —
славянского духа жнивье,
О Рубцов, как прекрасны,
как свежи твои георгины!
Ты любил их.
За них пил "застойное" тиво свое.
Там полтинник в цене.
Там трояк обернется — бутылкой.
Про косматые брови хороши
анекдот на троих...

Что ж теперь?
Заблудились меж гласностью
мы и "Бутыркой",
Поделили безбожно страну
на своих и не очень своих.
Все надеждой живем!..
Но мне страшно, что русские кони,
Оборвав постройки,
снова с храпом рванут в никуда!..
Вот и век наш израненный бредит
в предсмертной агонии.
Он умрет. А твои георгины! —
Их свет навсегда.
г. Москва

Н. Социхин

* * *

Волнуют нас снова и снова
Стихи Николая Рубцова.
Сердечная их доброта,
Душевная их теплота.

Как будто лесами, лугами
Ведет нас сторонкой своей,
И в сумерках светит над нами
Звезда задремавших полей.

Воспитанник детского дома
И североморский матрос, —
Прическу его, как солому,
Арктический ветер унес.

Мечтал о семье и о сыне,
О счастье простом и — навек.
Какие стихи о России
Сложил!
А какой человек!

За друга пошел бы на плаху,
И воду принял, и огонь.
Последнюю снял бы рубаху:
— Возьми вот, а друга не тронь!

А с виду совсем неказистый
И ростик весьма небольшой,
Но был он до доньшика чистый
С пронзительно русской душой.
г. Сургут,
1994

Н. Груздева

У памятника Рубцова

Ты жил, как Бог, без хлеба
и без крыши,
Любой приют — твой временный
причал.
Ты говорил — народ тебя
не слышал,
Народ других провидцев привечал.
Давно звенит твое святое имя,
И все, твоей причастные судьбе, —
Провидцы — оказались вдруг
слепыми...

О, как они завидуют тебе!

г. Вологда,
1998

С. Лагерев

Над могилой Рубцова

...И вновь в морозное крещенье.
Хотя прошло немало лет.
Болит душа. И нет прощенья
За то, что был убит поэт.

Всем тем, кто видел его муки,
И кто не смог в тот миг конца
Разжать безжалостные руки
На горле грустного певца.

И незачем хвалиться ныне
Знакомством, даже дружбой с ним.
Давайте просто шапки снимем
И у могилы постоим...

г. Сургут,
2000

Вячеслав Белков

ТИХАЯ РОДИНА РУБЦОВА

Николаю Коняеву

Однажды Николай Рубцов написал: "А еще потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле".

Это сказано было о селе Никольском Тотемского района. И не просто сказано, но и подтверждено стихами — "легче там, где поле и цветы..." У Рубцова было развитое чувство пространства и своего положения в нем. Поэт оставил несколько интереснейших высказываний о Вологде, о Москве, о Тотьме... А в своем знаменитом стихотворении "Тихая моя родина" он объединил, нарушив географию, два святых для него места — Николу и Вологду — в одно целое:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
.....
Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
.....
Школа моя деревянная!..*

Все содержание стихотворения говорит о том, что перед нами село Никольское (д. Никола), но сегодня мы уже знаем, что мать Рубцова похоронена не там, а в Вологде на Введенском кладбище. Поэт тоже знал об этом. Как знал он и о малой родине своих предков, которую мы и должны обозначить здесь в первую очередь.

Да, мы не можем миновать деревню Самылково Сокольского рай-

она Вологодской области, потому что оттуда вышли родители Рубцова (Михаил Андрианович Рубцов и Александра Михайловна Рычкова), и потому, конечно, что эта деревня и вся волость относились раньше к Тотемскому уезду.

Самылково находится у речушки Стрелицы, в полутора километрах от Бирякова. Сейчас в Самылкове жителей почти не осталось, а когда-то в Спасской церкви, что стоит на соседнем угоре, венчались и крестились сотни и сотни людей. Здесь родились в семье Рубцовых старшие сестры Николая — Надежда и Галина. В этих красивейших местах "под куполом светлых небес" должен бы и Коля родиться, но... Политические передряги заставили семью в 1929 году покинуть родину предков и переехать в Вологду. Затем были Емецк (здесь родился будущий поэт), Няндомы, снова Вологда. Куда по службе переводили отца, туда ехала и семья.

Присухонье — это родина предков Рубцова. Поэтому совсем не удивительно, что поэт чувствовал себя в Николке, как дома. От Самылкова до Николы — всего-то около 60-ти километров, если по прямой! Видно, сама судьба привела Николая Рубцова в Николу.

Будущий поэт попал в Никольский детдом осенью сорок третьего года. Здесь он начал учиться в школе, закончил семилетку, здесь прошли его детские и отроческие годы, здесь, стало быть, его нравственные, духовные истоки.

Позднее поэт тоже подолгу жил в Никольском, здесь родилась его дочь Лена, здесь написал он десятки прекраснейших своих стихотворений (у поэта каждое стихотворение очень прочно связано в памяти с местом написания и с ситуацией). Думаю, что эту свою родину Рубцов считал как бы главной и любил самой горячей любовью. Даже по имени деревня Никола была его тезкой.

Попробуем собрать вместе хотя бы некоторые высказывания поэта о Николке, — в стихах и в прозе:

"Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу!"

"О, вид смиренный и родной! Березы, избы по буграм..."

"Я вырос в хорошей деревне..."

"Но только здесь, во мгле заледенелой,

Она восходит ярче и полней, И счастлив я..." ("Звезда полей")

"До слез теперь любимые места!.."

"За все хоромы я не отдаю Свой низкий дом с крапивой

под оконцем...

Как миротворно в горницу мою По вечерам закатывалось солнце!.."

"В этой деревне огни не погашены..."

"В деревне виднее природа и люди..."

И небольшое стихотворение "Я уплыву на пароходе...", которое заканчивается строкой "И буду жить в своем народе", тоже обращено к Николке. И стихотворение "Зеленые цветы", и "Ночь на родине", и юношеское "Деревенские ночи" и многие-многие строки. В одном из писем Александру Яшину Рубцов говорит о Николке — "здесь для души моей родина!". Вот эти слова и надо бы набрать крупным шрифтом, они главные.

Вместе с тем Рубцов очень рано увидел и то, как замордована, измучена русская северная деревня. И в его знаменитой "Прощальной песне" сказалось настроение целого поколения людей. Для многих это было трагическое ощущение — "Я уеду из этой деревни..." Уеду потому, что жить там почти невозможно.

Поэтически Рубцов мог выразить свое настроение так:

Вон то село, над коим вьются тучи,

Оно село родимое и есть...

Тут символ для внимательного читателя ясен. А в письме поэт мог сказать еще определеннее и резче. Вот одно из глубоких его суждений: "Я уже пропадаю здесь целый месяц. Особенного желанья коротать здесь зиму у меня нет, так как мне и окружающим меня людям поневоле приходится вмешиваться в жизнь друг друга и мешать друг другу, иначе говоря, нет и здесь у меня уединения и покоя, и почти поисчезали и здесь классические

русские люди, смотреть на которых и слушать которых — одни радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете — сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившееся здесь” (Письмо Г. Горбовскому).

Комментарии, как говорится, излишни. Хотя, конечно, нередко поэт находил в Николе и покой, и творческое вдохновение, радость. Чаще это случалось летом, а свидетели тут — стихи. Например эти: “Как весь простор, небесный и земной, дышал в оконце счастьем и покоем...” Или другие прекрасные строки: “Когда душе моей сойдет успокоенье...”

В 1962—1965 годах в летние и осенние дни Рубцов создал в Николе десятки лирических стихотворений, среди них немало шедевров. Самым удачным было, видимо, лето 1964-го: “За полтора месяца написал около сорока стихотворений”. Более-менее уверенно мы можем полагать, что в Николе написаны — “В горнице”, “Я буду скакать по холмам...”, “После грозы”, “На реке” (шутливое), “Природа”, “По утрам, умытая росой...”, “Родная деревня”, “Жара”, “Коза”, “Медведь”, “Прощальный костер” и др.

Вернувшись в начале шестидесятых в деревню своего детства, поэт как бы соединил два опыта, два взгляда — непосредственный детский и взгляд уже взрослого человека, повидавшего мир. Отсюда глубина рубцовских стихов, их воспоминательность и умудренность.

Будущим исследователям еще хватит забот. Надо, например, точно определить, каким путем группа детдомовцев добиралась в сорок третьем году из Вологды до Николы. Более обстоятельно надо бы записать воспоминания о Рубцове жителей Николы и Тотьмы, прежде всего жены поэта — Г. Меньшиковой.

Но многое известно уже сейчас. Скажем, из материалов “дело о движении воспитанников Никольского д/дома” мы знаем почти обо всех перемещениях Рубцова в 1948—1951 годах. К концу этого периода подросток Рубцов жил уже в Тотьме.

А первая встреча с Тотьмой произошла, видимо, осенью 1943-го

года. По некоторым сведениям по пути в Николу группа ребят оказалась в Тотьме и заночевала там в детдоме № 3.

В июле 1950-го года Коля Рубцов прибыл в Тотьму для сдачи экзаменов в лесотехнический техникум, и в том же месяце был зачислен в это учебное заведение. Зимой и летом 1950—1951-го Николай на каникулы ездит из Тотьмы в Николу. Но и в Тотьме у него уже появились друзья и подруги. Вместе с Рубцовым учится Сергей Багров, а в педагогическом училище — Таня Агафонова, которая стала его первой юношеской любовью.

Автору этих строк довелось в свое время опубликовать воспоминания Т. Агафоновой. Заметки о поэте не раз публиковал С. Багров. И все-таки тема “Рубцов в Тотьме” — одна из самых неразработанных. Тут жили и живут десятки людей, знавших поэта, его друзей. Во многих домах тотмичей Рубцов бывал. Здесь на берегу Сухоны стоит деревянный домик родителей С. Багрова, где поэт бывал неоднократно, останавливался на ночлег, читал свои стихи. Малое внимание биографов поэта к Тотьме можно объяснить “промежуточным” положением этого города — он был на пути Рубцова между Николой и Вологдой, между детством и взрослой жизнью. Были, конечно, случаи, когда поэт приезжал именно и только в Тотьму. Один из таких эпизодов описан в воспоминаниях Л. Дербиной: 23 июня 1969 года поэт поплыл с ней на теплоходе в Тотьму, с умилением показывал по пути Печеньгскую церковь, а затем многие места в Тотьме; говорил — “вот моя Родина, по этим холмам я бегал мальчишкой”; остановились в Доме приезжих, объехали окрестности города, посетили монастырь и краеведческий музей; не прошло и двух дней, как отправились обратно в Вологду.

В Тотьме Рубцов бывал с Александром Яшиным и другими писателями. Тотьма запечатлена в стихах Рубцова:

*Топ да топ от кустика
до кустика, —
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса...*

*...Пусть Вологда будет родная
Стоять нерушимо, как есть,
Пусть Тотьма, тревоги не зная,
Хранит свою ласку и честь...*

Н. Рубцов — матрос тралового флота

А самую яркую картину нарисовал он в стихотворении, которое начинается строчками:

*Тот город зеленый и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достоин, без лишней шумихи,
Поэт, как в деревне, петух
На площади главной...*

Старожилы Тотьмы по некоторым деталям стихотворения давно определили — это о нашем городе.

“Взбегу на холм...” — так начинается Рубцов одно из программных стихотворений. Да, многое увидел он с холмов и горушек родной тотемской земли. Если бы в жизни Рубцова не было этой земли, он, возможно, и стал бы поэтом, но совсем другим.

Замечательно то, что судьба провела поэта по всем российским дорогам, ничего не минуя: от глухой деревеньки, через районный город и областной центр, до обеих столиц — Питера и Москвы. Можно добавить к стати, что, осваивая пространство Родины, Рубцов метнулся и в Заполярье, и в жаркий Ташкент, а в восточном направлении — на Алтай. Видимо, все это тоже было необходимо.

“Но только здесь”, на родине, “под куполом светлых небес”, полностью раскрывались творческие возможности Николая Михайловича Рубцова. И первые представления о красоте и о морали он получил тоже здесь. Потому и клялся он именно перед этой землей: “Я клянусь: душа моя чиста”.

из истории "ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ"

Мало кто знает, что история знаменитой книги Рубцова "Звезда полей" началась задолго до ее выхода в свет. Она вышла в 1967-м, но основу ее составили стихи, написанные по-этому до середины 1964 года. После долгих поисков, длительной переписки с участниками событий, мы можем сегодня восстановить почти полную картину того, как "Звезда полей" сквозь тучи пробивалась к читателям.

Коллеги-писатели и исследователи "состарили" Рубцова-по-эта года на два. Дело в том, что многие стихи Николая Рубцова датированы неверно — он написал их на один-два года раньше, чем это указано в посмертных сборниках. Приведу сейчас два небольших примера.

Гениальное стихотворение в "Горнице", открывающее книгу "Звезда полей", датируется обычно 1965-м годом. Например, в сборнике "Избранное" (Москва, 1982). Между тем, это стихотворение написано значительно раньше. Первый вариант создан летом 1963-го, скорей всего в деревне Николе. Видимо, следующим летом он был доработан, потому что окончательный вариант опубликован 31 октября 1964 года. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в районную тотемскую газету "Ленинское знамя".

В этой же газете 9 января 1965 года опубликовано другое известное стихотворение — "Окошко. Стол. Половики..." Правда, тут оно немного сокращено (может, редактором) и названо по-другому — "Не уйти отсюда прочь". Скорей всего стихотворение написано в 1964 году, и перед нами первая публикация. В посмертных же сборниках это стихотворение датируют 1966-м годом! Так состарено оно, скажем, в книге "Стихотворения", Архангельск, 1985. Статьи, в этом издании есть и другие неточности. А стихотворение "Расплата" состарили даже на восемь лет!

Итак, в начале 1964-го года Рубцов посылает в Москву, в издательство "Советский писатель" рукопись своих стихов. Вероятно, это отклик на предложение Егора Исаева, поэта и сотрудника издательства. Во всяком случае поэт приложил к своим стихам такую записку (текст публикую впервые): "Дорогой Егор Александрович! У меня пока в этой местности не было не только возможностей отпечатать рукопись, как это положено, на машинке, но так получилось — даже не было возможности собрать рукопись поскорее. Очень Вас прошу: передайте, пожалуйста всю эту разномастную (в смысле внешнего вида) мою рукопись машинистке в Вашем издательстве. Потом я ей непременно за это, как говорится, заплачу. А после, видимо, она попадет к редактору?"

Поверьте, пожалуйста: никак пока сделать иначе не мог. В случае чего можете связаться со мной (насчет этого дела) по адресу: Вологда, Ленина, 17. Союз писателей. От всей души желаю Вам здоровья, а также всех радостей. Ваш Николай Рубцов. Сердечный привет также Н. Н. Сидоренко".

Скорее, в июне 1964-го, на рукописи Рубцова написал хороший отзыв Николай Николаевич Сидоренко, поэт, руководитель литинститутского семинара, в котором занимался тогда Рубцов. В отзыве Сидоренко была, между прочим, и такая замечательная фраза: "Перед нами — рукопись первой книги поэта, и рукопись выдающаяся. Обидно будет и неверно, коли она залежится в редакционном шкафу..."

Как в воду глядел рецензент, когда опасался, что рукопись может залежаться в издательстве.

В том же благословенном июне отзыв о рукописи Рубцова "Звезда полей" (она уже тогда имела окончательное название) написал и рецензент издательства В. И. Мильков. Он тоже высоко оценил рукопись, но постарался указать и недостатки. В этом очень тактичном отзыве есть интересные наблюдения, мысли. А явная промашка у Милькова, видимо, только одна — он написал, что "не состоялось" стихотворение "Добрый Фила". Забегая вперед, скажу, что это стихотворение в книгу все-таки вошло. Но рукопись еще ждали разные препятствия, и главное из них — равнодушие. Летом 1964-го вся издательская элита разъехалась по дачам и домам творчества. Рядовые сотрудники ушли в очередные отпуска. И о Рубцове, похуже, надолго забыли.

Но поддержка Егора Исаева, который был тогда заведую-

щим отделом русской советской поэзии в "Советском писателе", все же сработала. То ли сам Рубцов ему напомнил, то ли еще кто, но Исаев, как бы вдруг спохватившись, пишет записку редактору Владимиру Семакину. Это короткое дружеское послание было лучше всякого приказа, оно и сыграло главную роль: "Володя! Срочно прочитай рукопись Рубцова (за день-два), определи состав. Надо с ним заключить авансовый (25 процентов) договор. Борис Ваныч поддержит, я уже договорился. Будь добр, не затягивай — Рубцов хороший поэт, нашенький—деревенский, и он сейчас бедствует. Держи связь с Рубцовым через Анатолия Педредрева. Егор. 30 марта, 1964 г."

Копию записки любезно передала мне вдова Владимира Кузьмича Семакина — Агния Ильинична. Борис Иванович, упоминающийся в записке, — это Б. И. Соловьев, тогда главный редактор издательства.

На открытии музея Н. Рубцова в одной из школ г. Вологды (В. Белков — слева)

И вот рукопись, почти год пролежавшая без движения, начинает, вроде бы, двигаться. Уже 5 апреля В. Семакин пишет редакторское заключение, после которого можно заключать договор. И вскоре договор был заключен, и поэт, видимо, получил наконец денежный аванс.

Но дальше опять потянулись месяцы ожидания. Рукопись общими усилиями дорабатывали. Так прошел 1965-й год, начался следующий...

Наконец, в феврале 1966-го года Владимир Семакин (Исаев назначил его редактором книги) пишет второе редакторское заключение и рекомендует включить книгу в план издания 1967 года.

Вот лишь некоторые штрихи этой издательской истории. Пока нам трудно установить, насколько учитывалась при редактировании воля автора. Но уже ясно, что редакция исключила из рукописи стихи — "В гостях", "Фальшивая колода", "В укромной комнате своей...". Можно также назвать несколько стихотворений, которые Рубцов добавил в рукопись, когда пересоставлял ее.

Вероятно, некоторые замечания и исправления поэт не только был вынужден принять, но и внутренне с ними согласился. А есть и сложные случаи. Например, мы не знаем пока, кто же исправил вторую строфу знаменитого стихотворения "Тихая моя родина" — сам автор или редакторы. В первоначальном варианте рукописи она звучала так:

Где же могила, не видели?

Поле до края небес.

Тихо ответили жители:

— Каждому памятник — крест.

Потом "крест" исчез, поменялись и другие слова.

Десятки, сотни вопросов возникают, когда начинаешь листать пожелтевшие страницы старых писем, рукописей, рецензий. Слава Богу, что некоторые из этих страниц уже удалось разыскать.

г. Вологда.

Сергей Сорокин

РУБЦОВ ПОСЛЕ РУБЦОВА

Николай Рубцов — незаживающая рана в русской поэзии второй половины, только что канувшего в Лету, двадцатого века.

Я умру в крещенские морозы.

Я умру, когда трещат морозы... —

за год до убийства писал поэт, чье творчество уже не вызывало сомнений — это поэт от Бога.

Однако, как неуважительно и безответственно относимся мы к творческому наследию нами любимого поэта, к его биографии, которую вольно и невольно трактуют порой у нас в массовых изданиях.

Уже пять лет в России Министерством образования творчество Рубцова включено в школьные программы по литературе, что, конечно, не может нас не радовать. Однако и сегодня преподаватели сетуют на то, что поэзия Николая Рубцова на страницах учебников появляется робко, неуверенно, без нужных комментариев и рекомендаций. Включают его стихи в один ряд со стихами Федора Тютчева, Афанасия Фета, Валерия Брюсова, Федора Сологуба, Александра Блока, Сергея Есенина, Николая Заболоцкого, но биография Рубцова так и остается неполной, а то и вовсе отсутствует.

Все чаще стали выходить в разных издательствах книги самого поэта. Это хорошо. Но... Открываю одну из книг, изданную в С-Петербурге издательством "Диамант" в 1998 году тиражом 10 тысяч экземпляров. Сколько ляпсусов, неточностей. К примеру: "Жизнь Рубцова в литературе продолжалась очень недолго, всего 5—6 лет..." Или: "Николай Михайлович Рубцов родился 5 января..." Далее — полная неразбериха с датами его работы в Ленинграде, призывом в армию, учебой в техникуме. И прочее и прочее...

Изобилует многочисленными неточностями и всевозможными искажениями текста книга московского издательства ЭКСМО-пресс 1999 г. "Николай Рубцов. Последняя осень. Стихотворения, письма, воспоминания современников" (составитель В. Калугин).

Полное отсутствие уважения к поэту проявили и деятели столичного издательства "Воскресенье", выпустив в свет тиражом 7500 экземпляров книгу "Звезда полей". Концепцию сборника, подготовку текстов осуществляли Л. и Н. Мелковы. Вместо предисловия в книге напечатали давнюю, грешащую многими неточностями статью С. Педенко.

Восемьдесят ошибок и опечаток, других грубых искажений текста стихов Рубцова допустило издательство "Терра" в выпущенном трехтомном собрании сочинений поэта.

Какими источниками располагала газета "Комсомольская правда" (от 10 декабря 2000 г.), сообщая "сенсационную" новость рецензией Александра Щуплова на данный трехтомник о том, что "на 34-м году жизни поэт наконец-то получил в Ленинграде (?) постоянную прописку... однокомнатную квартиру, в которой и был убит...".

Если судить по "Комсомолке", то выходит, что Рубцов сроду не жил в Вологде. И мраморная доска на доме № 3 по улице Яшина, напоминающая о том, что здесь жил и был убит великий русский поэт Николай Рубцов — всего лишь выдумка вологжан.

Но на этом газета не успокоилась и уже 19 января этого года под рубрикой "Негромкая дата" печатает материал Ярослава Щедрова, где до неузнаваемости искажена вся биография поэта, а женщина — убийца поэта, названа его женой...

Еще более необузданной фантазией, доходящей порой до абсурда, обладают авторы, когда у них речь заходит о

Вид на Соборную горку с улицы Николая Рубцова, г. Вологда. Фото В. Шевкун

причинах смерти поэта. К примеру, со снобистскими, бульварными "исследованиями" выступил московский поэт Сергей Красиков, опубликовав книжечку "На грани мистики", в которой он "исследует роковые предчувствия и предсказания" о своей смерти не только Н. Рубцова, но и Пушкина, Лермонтова, Цветаевой, Высоцкого и так далее.

Некомпетентность и невежественность Щедровых и Красиковых и иже с ними авторов, пренебрегающих элементарными понятиями об этике, не только принижают талант поэта, но и усугубляют читательское восприятие его, как яркое и самобытное явление в нашей отечественной литературе.

До сих пор в определенных кругах нашего большого общества бытует чудовищное по своей сути мнение, что убийца, умертвив поэта, удержала тем самым внимание читателей к его стихам, значение которых, мол, явно преувеличивается.

Следует заметить, что полная биография Николая Рубцова до сих пор еще не написана. Это и даст повод отдельным нечистоплотным лицам трактовать ее на свой, особый, манер.

А остановить этот ущербный поток бульварной литературы может только добросовестная и кропотливая работа Комиссии по литературному наследию поэта, которая пока никак и никем не финансируется и вряд ли в ближайшее время мы сможем увидеть первые результаты ее работы...

Да, Николай Рубцов писал об ивах, березах, журавлях, русском огоньке, ставшем символом памяти всех, кто отдал свои жизни за нас с вами, за будущее России и еще о том многом, о чем самозванные "исследователи" склонны считать у Рубцова "нехваткой трезвого взгляда на жизнь". Неплохо бы им напомнить, что в силу своей природной гениальности поэт принёс нам всем СЕБЯ, до конца отстайвая свое право делать больше, чем обычно делаем мы, смертные...

С.-Петербург, Рубцовский центр.

ШЕЛ ТЕПЛОХОД ПО СУХОНЕ...

Со дня нашего знакомства Рубцов стал для меня одним из необходимых поэтов. Ощущение того, что где-то живет и пишет Николай Рубцов, поддерживало меня — да и не только меня — в нерадостных порою раздумьях о судьбе нашей поэзии. Не раз он приглашал меня в свою деревню Николу, но, как всегда, не нашлось времени, и вместо того чтобы приехать к нему, в 1964 году я написал стихи, вошедшие в книгу «Метель заходит в город».

*Если жизнь начать сначала,
В тот же день уеду я
С Ярославского вокзала
В вологодские края.*

*Перееду через реку,
Через тысячу ручьев
Прямо в гости к человеку
По фамилии Рубцов.*

*Если он еще не помер,
Он меня переживет,
Если он ума не пропил —
Значит, вовсе не пропьет.*

*Я скажу, мол, нет покою,
Разве что с тобой одним.
Я скажу, давай с тобою
Помолчим — поговорим...*

*С тихим светом на лице
Он меня приветит взглядом,
Сядем рядом на крыльце,
Полубуемся закатом.*

Мы как-то понимали друг друга без лишних слов или с полуслова; несмотря на тяжелый характер — ни разу не поссорились, и нам всегда было приятно встречаться после долгих расставаний.

Когда Рубцов получил в деревне мой сборник с этим стихотворением, посвященным ему, он ответил мне следующим письмом.

«Добрый день, Стасик! Письмо твое получил, повеселился над твоими веселыми стихами, и вот написал на них ответ. Желая тебе здоровья и всех радостей.

С приветом, Коля!»

Дальше шло его шутовское послание.

Ответ Куняеву

(некоторые соображения на тему «Если жизнь начать сначала»)

*Если жизнь начать сначала,
Все равно напьюсь бухой*

*И отправлюсь от причала
Вологодчины лихой.
Знайτε наших разгильдяев!
Ваших, так сказать, коллег!
— Где, — спрошу я, — человек
По фамилии Куняев?
И тотчас ответят хором:
— Он в Москве! Туда катись!—
И внушат, пугая взором:
— Там нельзя греметь запором
И шуметь по коридорам;
Он описывает жизнь! —
И еще меня с укором
Оглядыт: — Опасный вид! —
Мол, начнет греметь запором
Да шуметь по коридорам,
То-то будет срам и стыд!..
Гнев во мне заговорит!
И, нагнувшись над забором,
Сам покрою их позором,
Перед тем спросив с задором:
— Кто тут матом не покрыт?
Кроя наших краснобаев,
Всю их веру и родню,
— Нужен мне, — скажу, — Куняев,
Вас не нужно — не ценю: —
Он меня приветит взглядом,
И с вопросом на лице
В цедээловском дворце
Помолчим... с буфетом рядом!*

Я помню, как он жаловался на своих земляков-вологжан, которые, по его словам, ценят стихи Ольги Фокиной куда выше, нежели его... Впрочем, эту обиду я уловил и в строках шутовского стихотворения, присланного мне в 1964 году:

*Кроя наших краснобаев,
Всю их веру и родню,
— Нужен мне, скажу, — Куняев,
Вас не нужно — не ценю.*

Написано в шутовском, несколько ерническом стиле, присущему «раннему» Рубцову.

«18.11.64.
Стасик, а что у тебя нового?

Между прочим, это такой вопрос, от которого я нередко теряюсь и не знаю, что сказать. Знаю, что не только я один. Но каждый раз, если речь заходит о настоящих людях, мне любопытно знать, как они там где-то поживают, всегда хочется пожелать им всего хорошего, — вот поэтому и вопрос о них, или им, или ему (сейчас тебе) — что нового?

Тебя, наверное, уже утомило это болтливое письмо? Еще одно последнее сказание... Хотелось бы мне узнать, решена ли судьба (пусть час-

точно) тех моих стихов. Мне надо знать об этом, потому что, пока не знаю, я не могу распоряжаться ими, стихами, как хочу. Да и кое-какие из них я, кажется, немного улучшил, а некоторые, вообще, зачеркнул (в голове своей), а это тоже имеет значение, если стихи все-таки пройдут... Вот у меня пока все.

Передай, пожалуйста, привет и самые добрые пожелания Гале, Гале Корниловой, Толе, Игорю, а также, если встретишь их, Володе Соколову, Вадиму Кожинову.

До свидания! С приветом и любовью Н. Рубцов.

Слякоть, осенний ледоход, снег, дождь. Надеюсь, что напишешь мне».

Теплоход «Александр Клубов» шел по Сухоне. Стояли солнечные чистые дни сентября 1985 года, и крутые берега врезались в синее небо тремя разноцветными ярусами деревьев — сначала у самой воды тянулась лента желтого ивняка, чуть повыше — зеленой ольхи, а на пабе-реге стояла белая стена берез...

Мы плыли на родину Николая Рубцова. Теплоход шел медленно, и навстречу ему так же неторопливо двигались по берегам редкие деревни, коровьи стада, копейки сена.

В Усть-Толшме мы пересели на автобус и вскоре прибыли в старинное село Никольское. Наконец-то! Через двадцать с лишним лет после нашей шутовской переписки...

Я шел по живой строящейся деревне и на каждом шагу радовался тому, что все здесь знакомо: куда бы я ни глянул — везде меня окружали образы и приметы рубцовского мира.

*Школа моя деревянная,
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать...*

И хотя в деревне — слава Богу! — новая каменная школа, но «речка туманная» все та же — вон она под угором вьется в зарослях ивняка. А за нею, глазом не окинешь, до окоема — луга, пастбища, перелески, зубчатая кромка старого леса, словом, «тот же зеленый простор» — аж дух захватывает!

А вот и кладбище — кресты, ограды, венки... Видно, и Рубцов не

раз глядел на него отсюда, прежде чем написать:

*Село стоит на правом берегу,
А кладбище — на левом берегу...*

Вдоль косогора до самой Толшмы чернеют баньки, вьются узкие тропинки, тянутся изгороди, а на зеленом заливном лугу за рекой, словно бы возникшая из стихов Рубцова, пасется белая лошадь. «Лошадь белая в поле темном вскинет голову и заржет».

На краю села «купол церковной обители», который «яркой травой порос». Четыре мощные кирпичные опоры держат проломленный в центре купол, над сводами которого еще можно разглядеть фигуры евангелистов в синих хитонах. Однако с той поры, когда Рубцов писал эти строки, кое-что изменилось: уж не просто яркая трава растет на куполе, а настоящие молодые березки. К церкви пристроен придел из старого церковного кирпича, в приделе вкусно пахнет свежим хлебом, опарой, дрожжами — там пекарня. Две молодые девахи в белых фартуках и цветных козырьков вытаскивают из печи одну за другой буханки горячего хлеба.

— Попробовать можно?

— Пожалуйста! — озорно блеснули белые зубы.

Я отломил от душистого хлеба румяную корочку, не торопясь разжевал ее, думая о том, что хлеб выпекается в бывшей церкви и потому сегодня при желании его можно считать поминальным...

А в Доме культуры между тем начался литературный вечер. Зал был полон народу — больше женщинами и детьми. Сердце радовалось, что детей было много, что они бойкие, розовощекие, хорошо одетые... Может быть, оклемаемся от всех эпихальных бед и разрух, подрастет подлесок, не даст пропасть народному корню на древних северных землях.

А с трибуны слышится глуховатый, взволнованный голос Василия Белова:

— В стихах Коли Рубцова много живой природы — и лес, и ветер, и болота, и поле, но чаще всего он вспоминает наши реки — Сухону, Тотьму, Двину, Толшму... Наши предки селились на реках и жизнь свою без них не мыслили. Пароход, пристань, паром, берег, река, лодка — любимые слова Николая Рубцова. «Много серой воды, много серого неба и немного поголой, родимой земли».

Станислав Куняев

Но сейчас люди, равнодушные к нашей земле и нашим рекам, не знающие, как мы их любим и как без них жить не можем, разрабатывают всяческие проекты, чтобы повернуть северную светлую воду на юг. Пойменные земли заболотятся, обжитые веками берега пропадут, оставшиеся деревни исчезнут, память о прошлой жизни выветрится, и станем мы и наши дети похожими на перекати-поле... Давайте вспомним любовь Коли Рубцова к родным рекам, пусть она поможет нам в борьбе за их жизнь...

Белов говорил с народом не как пророк или проповедник, а как сельский учитель, как родной каждому сидящему в зале человек. А я вглядывался в румяные детские мордашки и думал о том, что лет через десять — пятнадцать из этих детей вырастут колхозники, агрономы, учителя, врачи, и святое дело делает Василий Белов, зароняя в детские души зерна тревоги за русскую землю, семена истины и любви. Николай Рубцов делал, в сущности, то же самое, но по-своему.

Тина теперь да болотина

Там, где купаться любил...

Тихая моя родина,

Я ничего не забыл...

Он писал стихи «неоскорбляемой частью души».

Не потому ли в его поэзии нет ничего желчного, фельетонного, правдиво-крикливого, чем так грешат многие из нас. Он исповедовал главную истину: душа поэта на то ему дана, чтобы высветлять и очищать жизнь, принимать на себя несовершенство мира. Не потому ли слово «душа» одно из самых любимых им

слов: «душа хранит», «душа свои не помнит годы, так по-младенчески чиста, как говорящие уста нас окружающей природы», «до конца, до смертного креста, пусть душа останется чиста»...

Мысли мои вновь были прерваны голосом Белова, который продолжал с трибуны никольского Дома культуры, воспитание душ человеческих иными средствами, нежели его покойный друг.

— Коля Рубцов, как вы все знаете, вырос в детском доме. Но тогда шла война и сирот было много по понятным причинам.

А сейчас почему у нас столь много детских домов? Дети при живых матерях-отцах живут сиротами. Сколько у нас лишенных родительских прав, сколько спившихся родителей, сколько детей, от которых матери уже в родильных домах отказываются. В стихах Коли Рубцова есть и горечь сиротская, и одиночество. Пусть же его поэзия помогает нам изживать искусственное сиротство, которого на Руси никогда ранее не было...

Старухи, женщины и дети, затаив дыханье, слушали каждое слово знаменитого земляка, а я думал о том, что поэт всегда сын своего народа. Народ дал ему творческую волю, душу, понимание жизни, чувство народного идеала, а не просто один лишь язык. Язык, в конце концов, всегда можно выучить и оставаться писателем, чуждым народу, на языке которого пишешь. Но проходит время, и настоящий народный поэт — не по знанию, а по сути — выплачивает сыновний долг народу, как выплачивал бы его престарелым родителям,

своеобразной заботой и уходом за народной душой, высветляя ее и поддерживая в трудные времена, когда она шатается, болеет, теряет опору. Тогда приходит он и говорит:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь...*

И какой-нибудь отрок вдруг содрогнется от поэтической искры этих строк и тем самым сознательно и на всю жизнь обнаружит в себе ту же "самую жгучую", "самую смертную", которая до последнего часа будет жизнетворческой силой в его судьбе.

Между тем на эстраде возник неожиданный спор. Кто-то из выступавших искренне стал восхищаться: каким образом местная природа, скромная и невзрачная, "серенькая", родила такого яркого поэта...

— Это же чудо! — развел руками оратор.

— Я услышал, как сидевший рядом Белов что-то буркнул в бороду, встрепенулся Анатолий Передреев и, дождавшись, когда оратор закончит свою речь, вышел к трибуне.

— Я всегда любовался вашей землей — ее долинами, реками, лесами. Почему, с чьей легкой руки ее называют "скромной", невзрачной? Наоборот, она яркая, многоцветная, ваша северная природа. Несколько раз в году она меняет свой лик и свой наряд — не то что где-нибудь на юге, где круглый год стоит цветущее однообразие...

— Если бы не Рубцов, и на Вологодчине мне не пришлось бы побывать. Раззадорил он меня рассказами о Сухоне, Тотьме, Николе, и приехал я как-то в ваши края, и попал в деревню к Василию Белову. Давно это было. А стихи о той поездке я написал недавно...

Медленно отчеканивая каждое слово, Передреев начал читать:

*Хоть много чего сохранить
не смогла,
Но душу деревня свою сберегла.
Раз детская чья-то головка одна
С таким любопытством глядит
из окна.
Раз может еще так глазами сиять
Анфиса Ивановна, Васина мать...
И сразу просторы исполнились
смысла,
И небо иначе над ними нависло.
И дали, что с новой встречаются
далью,
Уже не дышали такую печалью.
Все сделалось радостней,
стало прочней —*

*Земля при деревне, и небо
при ней!
Доколе копить ей в полях
свою грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!
Так думало поле, и речка, и лес,
И даль, что смыкается с далью
небес...*

*А все, что в душе и в судьбе
наболело, —
Привычное дело, привычное дело.*

Так оно все случилось к месту и ко времени, что, когда поэт кончил читать, и зал, и президиум долго благодарили его, не жалея ладоней...

В фойе клуба был выставлен стенд с фотографиями Рубцова, сделанный приехавшими в Ницолу ленинградцами. Некоторые из них я увидел впервые, стал вглядываться — и маленькая тревога запала в душу. Почему в стихотворении, ему посвященном, я написал о "тяжелом взгляде", об "угрюмстве", о "прищуре"? Да нет же! Вот он молодой, с друзьями в матросских робах, разламывает пополам гармошку, смеется; вот сидит с маленькой дочкой — и лицо светится; вот склонил голову, усталый, но все равно улыбается, хотя и грустно. У него высокий лоб, живой доверчивый взгляд... Нет в молодом Рубцове никакого угрюмства! Конечно же, от природы он был добрым, веселым и светлым человеком, с душой, распахнутой для жизни, любви и дружбы. И как бы судьба ни выколачивала из него эти свойства, он не сдавался ей.

*Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек.*

Разве что в Москве взгляд его тяжелеет и свет в глазах прятался куда-то в самую их глубь. Но если бы я в те времена приехал б Ницолу, то, конечно, запомнил бы его иным...

Уже смеркалось, когда мы выехали на автобусе обратно к теплоходу и по пути отвернули в сторону, чтобы поглядеть на старую дорогу, по которой Коля Рубцов, возвращаясь из странствий, ходил пешком от Усть-Толшмы ло Николеы. Тридцать километров лесом, лугами, распадками, мимо заброшенных починков. Есть время подумать о многом. Сколько раз, пока дойдешь, присядешь то у заброшенного овина, то на лесной опушке, то возле древнего погоста. Я представляю его себе летним днем, усталого, с чемоданчиком, где немудреное бельишко, да сборник Тютчева, да ворох черновиков. Он идет, а вокруг "зной звенит во все

звонки", цветут белые ромашки, и куда ни глянь, все волнует душу — и "филин властелин", и верховые, как три богатыря, проскакавшие где-то у горизонта, и тишина... Старая дорога...

*Здесь каждый славен,
мертвый и живой,
и потому, в любви своей
не каюсь,
душа звенит, как лист,
перекликаясь
со всей звенящей солнечной
листвой.
Перекликаясь с теми, кто
прошел,
перекликаясь с теми, кто
проходит...
Здесь русский дух в веках
произошел
И больше ничего не происходит!
Но этот дух пройдет
через века...*

Бывало, что редкий грузовик догонит студента, шофер высунется из кабины и спросит: далеко идешь?

*Я шел, свои ноги калеча,
глаза свои мучая тьмой...*

— Куда ты?

— В деревню Предтеча.

— Откуда?

— Из Тотьмы самой!

Он садится в машину и едет дальше, радуясь, что отдыхает усталое тело, и в то же время смутно понимая, что теряет нечто, не успевая вглядеться в небо, надышаться ветром, распахнуть душу воле, синеве, зеленому простору. А потому, не доезжая несколько километров до родного села, просит удивленного шофера притормозить и выходит из кабины.

*И где-то в зверином поле
Сошел и пошел пешком.*

Вот о чем мы разговариваем с Вадимом Кожинным и Василием Беловым, когда стоим в сумерках на старой, уже позаросшей муравой дороге, пересыпанной строчками поэта, столько раз проходившего ее туда и обратно.

Вечером следующего дня на высоком берегу Сухоны в Тотьме открывался памятник Николаю Рубцову. Это событие как бы венчало трехдневные народные празднества в его честь. Не часто земляки балуют русских поэтов таким высоким образом. Вспомним хотя бы, что первый памятник Есенину в Рязани был воздвигнут лишь через полвека после его смерти. Как тут не поклониться вологжанам и тотьмичам!

Несмотря на дождь, людей собралось множество, и пока организа-

торы торжества заканчивали последние приготовления, море зонтиков, шалей, беретов сгрудилось вокруг монумента, затянутого белой простыней.

Когда настало время открытия, мы с Передреевым вышли из толпы, я потянул за шнур, покрывало медленно поползло вниз, обнажая голову и плечи уже не Коли Рубцова, а кого-то другого, отделившегося от нас и ушедшего в царство русской поэзии... Он сидел на скамье, в пальтишке, накинутом на плечи, нога на ногу, руки со скрещенными пальцами покоились на колене...

Глубокие глазницы, высокий воротник грубого свитера, в котором часто ходил Рубцов, высокий лоб, задумчивый наклон головы — от всего образа веяло духом отрешенности от соблазнов мира сего, внутренней сосредоточенностью, чувством собственного достоинства и неуязвимости от внешних обстоятельств жизни.

В отдалении от холма, на котором стоял памятник, виделись поставленные в свое время лихими тотемскими землепроходцами, возвращавшимися из рискованных походов, полуразрушенные церкви, как бы иллюстрируя пронзительные стихи Николая Рубцова:

*И храм старины, удивительный,
белоколонный,
Пропал, как виденье, меж
этих померкших полей,
Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
разрушенных белых церквей.*

... В послевоенное время в моей зеленой полуразрушенной Калуге недалеко от нашего дома находилась скульптурная фабрика. Размещалась она в ограде бывшей церкви, и я по пути на реку, к золотым окским пляжам всегда останавливался возле нее. С чувством некоего таинственного приобщения к особому миру фигур, загромождавших церковный двор, я глядел на мощные торсы дискоболов, на гипсовые фигурки пионеров, на очень изящные, как мне тогда казалось, статуи женщин с веслами или с подойниками в каменных руках... Все они потом расселялись по районным центрам, вырастали в нашем Центральном парке культуры и отдыха, в маленьких городских скверах и на площадях небольшого города... Теперь я понимаю, что это, конечно же, были весь-

ма аляповатые цементные временки, но, даже понимая это, я хочу сказать несколько слов в их защиту. Каждому времени — свои песни, свои книги и своя скульптура. В этих убогих стандартных фигурах жила помимо халтуры и однообразия и некая глубина и правда нашего времени, осознавшего свое величие и спешившего как-то, наспех хотя бы, это величие зафиксировать. И вот сейчас, глядя на полуразрушенные скульптуры, установленные в те годы, на потемневшие подтеки на цементе и гипсе, на куски железной арматуры, торчащие из какой-нибудь культуры, я думал: все-таки от этих рудиментарных и стандартных останков массового искусства той эпохи веет еще и аскетизмом, и бедностью, и целомудренностью, и неприхотливостью, и даже мысли о каких-то общественных идеалах, искаженных и не до конца осуществленных, возникают у меня при виде этих рассыпающихся от времени статуй. Нет ничего более вечного, чем временные сооружения. Я понимаю и условность и правду этого афоризма. Да, цемент разваливается. Но идеи, грубо воплощенные в нем, наверное, останутся вечными. Вот почему в начале 70-х годов и написал:

*Да будет вечен этот гипс,
его могучая фактура!*

*Вот дискобол: плечо и диск,
а между ними арматура...*

В те аскетические довоенные и послевоенные времена наша скульптура выражала как бы общие идеи и потому была столь однообразна. Тогда она играла либо украшательско-прикладную роль, либо монументально-идеологическую. Мы не могли позволить себе — и средств не хватало да и самосознания такого еще не было, — чтобы какой-нибудь маленький городок решил поставить памятник своему знатному земляку, герою, воину, поэту, то есть украсить себя ликом или фигурой, присутствующими только этому городку, этой малой родине знаменитого человека. Такое время наступило лишь через несколько десятилетий, и лишь поэтому стало возможным создание памятника Николаю Рубцову в маленьком северном городке Тотьма на высоком берегу реки Сухоны...

У Николая Рубцова есть два пророчества: "Я умру в крещенские морозы" и "Мне поставят памятник на селе"... Оба они оправдались.

— Больше стало на Руси еще од-

ним святым местом! — сказал, выступая у памятника, его создатель, скульптор Вячеслав Клыков.

Это было правдой, потому что вечером, во время литературного праздника учительница Тотемской средней школы, где учился Рубцов, рассказала, что в Тотьму и Николу уже много лет люди приезжают "к Рубцову", расспрашивают земляков о нем, записывают воспоминания, оставляют их в местном музее, пишут картины, снимают любительские кинофильмы о родине поэта.

А профессор Литературного института Михаил Павлович Еремин, у которого двадцать лет назад учился Рубцов, произнес такие слова, от которых зал загудел и взорвался рукоплесканиями:

— Думая о Рубцове, глядя на его памятник, побывав в его деревне, вспоминая его стихи, я сегодня испытываю чувство, которое давно уже не приходило ко мне, я горжусь, что я русский!

Поздно вечером под проливным дождем мы возвращались к теплоту, чтобы отправиться обратно в Вологду.

Я нес в руках целую охапку цветов, подаренных школьниками, да еще друзья прибавили букеты, чтобы положить их к подножию монумента, мимо которого мы проходили на пути к пристани... В дождливой тьме, то и дело отступаясь в лужи, я прошел по дорожке, усыпанной песком, к Рубцову. Огляделся. Под обрывом призрачным сиянием светилась река, над которой угадывалось движение темных дождевых облаков. На их фоне с трех сторон, окружая памятник, чернели силуэты церквей. Вокруг не было ни души... Увязая в мокром тяжелом песке, я поднялся на земляную насыпь к скульптуре и хотел было опустить цветы к подножию — на землю, но почему-то передумал, выпрямился, вложил их в холодные бронзовые руки и, почувствовав металлический холод, поднял взгляд: на меня из глубоких глазниц смотрел не Коля Рубцов, а кто-то иной, уже легендарный, от прикосновения к которому тревога затекала в душе. "Ну ладно тебе, — одернул я себя. — Это же не Медный всадник, не Статуя Командора — это твой друг, он сам приглашал тебя двадцать с лишним лет тому назад на свою родину, вот ты и приехал..."

— Здравствуй...

Пасха под синим

В останкинскую дубовую рощу мы ходили по вечерам “слушать соловья”. Идиома эта затвердилась на нашем курсе с легкой руки севастопольца Вани Тучкова, с которым я прожил рядом в одной комнате все наши пять с половиной литинститутских лет. В ту пору как раз строилась останкинская теле-

башня и каждый раз, приезжая на очередную сессию, для заочников — это месяц поздней весны или начала лета, и еще месяц в сентябре-октябре, мы первым делом отмечали насколько за наше отсутствие в Москве продвинулось строительство. Основание башни — этакая фантастическая лапша, упершаяся в землю наподобие инопланетного летательного аппарата, было скрыто коробками домов, и только бетонная “труба”, опутанная тросами, шлангами, строительными механизмами, упорно тянулась и тянулась к небу.

Ваня дивился, глядя на “трубу” из окна нашей общаги, прицокивал языком, придумывал этой “трубе” грубоватые сравнения, наконец, измаявшись от ничегонеделания, учебники он аккуратно укладывал под подушку — “во сне сами войдут в голову!” — тормозил меня, углубившегося в книгу: “Кончай, пойдём соловья слушать!” Я сопротивлялся, мол надо готовиться, завтра экзамен по зарубежке сдвать! “Все сдадим.. Кроме Севастополя! Пойдем!”

Как пели соловьи в прохладные черемуховые майские вечера, какие трели-коленца выдавали в теплые ночи июня! Иногда, случалось это чаще по выходным, я уходил в дубовую рощу один, раскинув прихваченное одеяло, устраивался с книжкой под уютным кустом. Ходили мы еще в Ботанический сад, что рядом с ВДНХ, тоже оккупировав какую-нибудь реликтовую полянку из пахучих трав, погружались в свои конспекты. Иной раз, обнаружив сие безобразие, прогоняли нас сторожа Ботанического и мы опять шли в дубовую рощу, где никакой стражи...

Теперь, по прошествии лет, когда судьба разбросала нас, литинститутцев, по суверенным государствам, вот и Ваня Тучков за кордоном, а говорил — “Севастополя не сдадим!”, горько сознавать, что в октябре 93-го по этой дубовой роще хлестали очередями ельцинские бэтээры, сбивая листву с деревьев, между которыми металась в вакханалии демократического побоища люди, истекали кровью, умирая с остекленевшим ужасом в глазах, вопрошая в холод серого неба: за что?!

Соловьи, соловьи...

Но это будет потом, через годы, когда в стране победит серость, а она беспощадна и мстительна, кроваво отомстит за свое прошлое многолетнее пресмыкательство, за бездарность, за нищету своего духа. И где ей будет понять красоту и незащитность таланта, патриотизм подвижников, жертвенность во имя гордого имени Отечества, Родины! А тогда мы радовались удачной строке, образу, эпитету, хлесткой пародии, эпиграмме на какого-нибудь “классика”, по-хорошему завидуя успеху товарища, ценя самобытность. К нам в комнату заходили очники — Боря Примеров, Витя Смирнов, смо-

ленский-деревенский, белорус Микола Федорович, ребята с нашего заочного отделения — Саша Голубев, нынешний редактор воронежского “Подъема”, Толя Демьянов из Ижевска, который писал не только отличные стихи, но и заваривал такой чай, после которого, как он говорил, можно видеть сквозь семь этажей над нами небесные звезды и то, как бегают в подвале крысы. Разный народ случался, но все больше поэты. Читали стихи без продыху! И Миша Мамонтов, тоже “жилец” нашей комнаты, прозаик, да еще староста курса, махнув на нас, на стихи рукой, уходил, как он говорил, “пообщаться с простым народом, с работягами” — куда-нибудь на бульвар или к гастроному, где и работяги, и все прочие обычно “страивали”.

Еще он признавался, дивясь нашей поэтической неукротимости, что после возвращения домой в свой узбекский Алматы — не может смотреть на все то, что написано “столбиком” или стихотворной “лесенкой”!

Однажды Мишка вернулся в комнату расстроенный, какой-то взвинченный, никогда таким его не видели. Ну, рассказывай, говорим, что у тебя? Да вот, говорит он, Рубцова вашего знаменитого сейчас отчуждстил! Мы с Ваней настояжились: Рубцов хоть в нашей комнате никогда не бывал, но уже прославился как поэт, читающая публика в Отечестве уже знала Рубцова, ну а мы, его однокашники, подавно!

— Был я в столовой, где пиво продают, бар там есть, знаете, — рассказывал Мишка, — взяв кружку, подсел за столик, где Рубцов сидел. Там еще одна девушка обедала. Сидим, припиваем и тут Рубцов, с чего, не знаю, начал грубости девушке говорить. Она взяла тарелку и перешла за другой столик. Тут я не выдержал, — говорил Мишка, — взорвался: как Вы можете, Вы же известный поэт, Вас люди читают... И вообще, ни за что ни про что! Он, правда, примолк, насупил, а вот сейчас увидел меня на улице, свернул в сторону, чтоб не встречаться...

Тут я говорю Мишке: “Ты сильно-то Николая не задевай, сам же понимаешь, какой это большой поэт!” — “Да понимаю, — горячился Мишка, — но нельзя же так, тем более — ему...”

Первые услышал я о Николае Рубцове в том же Ботаническом саду, на реликтовой полянке, летом 1966-го. С одним студентом из Череповца “загорали” там за книжками. Он и говорит: “Знаешь поэта Рубцова?” — “Нет, не знаю, — отвечаю, — а хорошие он стихи пишет?” — “Ты что, замечательные!” — “Ну прочти хоть одну строфу”. Парень приободрился, прочитал:

Я весь в мазуте, весь в тавоте,

Зато работаю в тралфлоте...

Ну и что, говорю, ничего гениального, — а это у нас было высшей оценкой! — не вижу.

Прошел еще год, который все переменял, взвихрил, вздыбил в поэтической атмосфере того времени. Таланты блистали, но выход рубцовской “Звезды полей” в “Советском писателе” стал особо ярким явлением. И всем стало ясно: в России появился громадный талант! И ко всему прочему, это ж был наш товарищ по Литинституту, студент старших курсов. Помню, я сумел приобрести в Москве несколько сборников Рубцова, привез в свою тюменскую провинцию, раздаривал: почитайте, обязательно понравится! Читали, кивали: хорошие стихи, душевные! Правда, один наш тюменский критик и рецензент, к мнению которого прислушивались и в писательской организации, пожав плечами после прочтения Рубцова, изрек: “Знаешь, старик, я тут больше десятка готовых стихов не нашел, остальные надо ох как дорабатывать, дорабатывать...”

Я ушел, оскорбленный за Рубцова. Откуда такая глухота? Поэзия Рубцова не просто жила во мне, она была созвучна моему дыханию, судьбе, сути, пониманию прекрасно-го. Он тоже был человек из деревни, пережил те же картины, краски, ощущения природы, людей. И еще он был тоже моряк, тоже “долго служил на флоте...” И еще он смог прон-

небом

зительно, как никто другой, философски, образно выразить, кажется, простую мысль о маете русской души, о ее божественной привязанности к родной земле:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Только один эпитет — смертную! — и столько в нем точности, достоверности, смысла, поэзии. “Не убавить, не прибавить”, как говорил Твардовский.

А такое, например: “Не было собак — и вдруг залаяли. Поздно ночью — что за чудеса! — Кто-то едет в поле за сараями. Раздаются чьи-то голоса...”. Строки не просто обжигали своей пронзительностью, я зримо видел эту ох как знакомую мне картину детства в моем селе, в нашей метельной круговерти. Все так: и лай откуда-то взявшихся собак, я даже явственно представил — поджарых, верных, оберегающих хозяйское жилье, и предполагаемые упряжки лошадей, хотя их и нет в стихотворении, и хозяина, отпирающего ворота, их морозный скрип и многое-многое, знакомое сердцу...

А вот другое:

*Пасха под синим небом,
С колоколами и сладким хлебом,
С гульбой посреди двора,
Промчалась твоя пора!*

Пасха на Руси, даже в долгие десятилетия богоборчества и насаждаемого атеизма, была едва ли не главным праздником. По крайней мере, в нашем селе отмечали Пасху славно, а уж готовились к ней заблаговременно и тщательно. Я слышал из разговоров старушек, что наступил Великий пост, надо постоватъ, грех есть жирное, “молосное”. Родители мои, помню, не очень-то уж ревностно придерживались поста, но прибирались по двору и в доме основательно. Отец колготился в ограде, мать устраивала большую побелку в доме, моя обязанность была — протирать керосинной тряпчочкой иконы, рамки портретов, фотокарточек. Стирали занавески, надраивали полы. А в самый канун Пасхи пекли шанежки, булочки, красили луковой шелухой яйца. Мать доставала из сундука праздничную скатерть, накрывала стол, ставила яства.

День Пасхи всегда выдавался теплым. Парили оттаявшие, освободившиеся от снега полянки, взгорки. А на самых высоких местах села — мужики возводили из жердей качели. Люди принаряжались во все самое лучшее, прибереженное для светлого праздника Воскресения Христа.

Пасха под синим небом...

Власть большого поэтического таланта заставляет ответную, неиспорченную душу сопереживать поэту, очищаться, как на исповеди, как в минуты любви и светлых потрясений...

В редкие вечера возле дверей комнаты Рубцова, обычно в глубине коридора, возле окна, не толпились его поклонники. Я не примыкал к этой компании, были там люди и не очень симпатичные мне. Любовь к стихам Рубцова заставляла меня и в общении с ним, редкие они были, держаться не навязчиво, как иные, чтоб потом похвалиться запанибратским общением со знаменитостью.

Однажды Рубцов, дело было осенью, подсел ко мне на лавочку в скверике возле общежития. Не узнал. Курил молча. Я читаю, опять к какому-то экзамену готовлюсь. И вдруг неожиданно: “Бросьте читать. Вот далось...” Я отвечаю: “Надо, знаете, я ж из деревни приехал, а тут у многих уже по одному высшему образованию. Им можно и не читать!” “Из деревни?” — напускной гонорок так и сошел с Николая. Глянул как-то тепло, придвинулся. С полчаса проговорили мы о том, о сем, пока какие-то девчушки, играющие невдалеке, не увлекли Рубцова. Он вступил с ними в шуточный разговор, разулыбался. Я тихо поднялся, пошел в общежитие, на крылечке оглянулся, подумалось тогда: все же он отчаянно одинок!

Как-то июньской порой идет навстречу тротуаром. Ко мне тогда приехала жена из Сибири, мы пошли куда-нибудь пообедать. Остановились, поздоровались. Рубцов в своем не-

изменном коричневом потертом костюме, при галстукке. “Вот это Николай Рубцов!” — говорю я жене, смотрю на него. Он светлеет лицом и как-то часто так моргает, как-то необычно по-рубцовски моргал он, говорит какие-то приятные слова моей жене. И опять мы разошлись. Я почувствовал тогда: могли бы сойтись ближе. Но времени уже не оставалось...

Последняя наша встреча была в те дни, когда курс Рубцова выпустился. Прошумел у них прощальный вечер в кафе “Синяя птица”. Сдали экзамены и мы за четвертый курс. Все разъезжались. В общежитии, гулком от внезапной пустоты, подзадержались мы четверо: Рубцов, Ваня Тучков, Алекса Абдулаев и я. Сбегал я в комнату за фотоаппаратом, вышли мы на солнце, на крыльцо, “щелкнул” я своей “Юностью” несколько кадров. Вот и память осталась. Последняя...

Не знаю, смог бы нынче, в этом смутном времени, где торжествует победившая серость, писать свои прекрасные стихи Рубцов? Смог ли бы он вообще выжить? Известно, как он материально бедовал тогда, в благополучные те годы! Наверное, не выжил бы... Нет вот уже и Бориса Примерова. Ушел. Добровольно ушел, не смирившись с мерзостями времени. Другие уходят...

...А в город, в Тюмень, я приехал благодаря Рубцову. Работал я, как говорят, в сельской глубинке — ответственным секретарем районной газеты. Формировал номера газеты самостоятельно, редактор только в свет подписывал. Часто печатал стихи, Рубцова печатал. Однажды вечером прохожу возле типографии, слышу, печатная машина молчит. В чем дело? Оказывается, замредактора, — шеф был в командировке, — снял с полосы уже заверстанную подборку стихов Рубцова: “Нельзя пропагандировать упаднического автора!”

Вынести этот идиотизм было не в моих силах. Вернувшись редактору я решительно положил на стол заявление об увольнении. Уговоры — передумать! — не помогли. Уехал.

Грустно так и кстаи пульсировали и душе строчки поэта:

*Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока...*

И осень был грустной. И мысли, и чувства. И все же это был свет поэзии, свет неподдельного чувства, как свет Воскресения, Любви, Надежды, тот свет, о котором пел нам когда-то соловей в дубовой останкинской роще.

г. Тюмень, 1996

«Ежели я буду знаменит...»

Памятник Н. Рубцову в Череповце. Работа скульптора А. М. Шербунина

Николай Старшинов

* * *

*Рябина от ягод пунцова.
Подлесок ветрами продут.
На родине Коли Рубцова
Дожди затяжные идут.*

*В такую ненастную пору
Не шумной толпой, а вдвоем
Пойти бы к сосновому бору
Прекрасным и грустным живьем.*

*Следить — а куда торопиться? —
Отчаянный гон облаков.
Земле поклониться,
Напишется
Из тихих ее родников.*

*Забраться в осинник,
Послушать,
Что шепчут друг другу листья.
И думать: а наши-то души,
Как прежде, по-детски чисты?..*

*И так, ни о чем не печалась,
Вдвоем постоять над рекой...
Мы часто случайно встречались,
И все в толчее городской.*

*Летели, летели недели,
Да что там недели — года...
Не раз ЦАде сидели,
А вот у реки — никогда...*

*Бесчинствует ветер несносный.
Продрогнув с макушек до пят,
Гудят корабельные сосны,
Как мачты под бурей, скрипят.*

*И тучи нависли свинцово, —
Погожей погоды не жди...
На родине Коли Рубцова
Идут затяжные дожди.*

1972

...К сдаче курсовых экзаменов на заочном отделении Литинститута я готовился не только морально, но и материально. Подкапливал денюжат, прихватывал в дорогу пятилитровую канистру "шила" — так на флоте именуют казенный спирт, банки с консервами и тарань на закуску. Потому вокруг меня всегда образовывалась плотная команда. Постоянно пользовался и доступной хитростью: пред очи строгих преподавателей предстал в полном флотском параде, понимая, что у них рука не поднимется поставить низкую отметку капитану 2 ранга с командирской лодочкой на груди.

Как-то ко мне, облаченному в форму, подошел худенький, похожий на подростка, остроносый студент.

— Здравия желаю! — вскинув ладонь к простоволосой голове с заметно пробивающейся плешинкой на макушке, сказал он. — Разрешите представиться: старшина второй статьи Рубцов.

Я уже был наслышан о молодом поэтическом даровании, которого даже называли "новым Есениным", читал его вирши в журнале "Юность", потому охотно подал Николаю руку. Так началось наше с ним, к сожалению, кратковременное, знакомство.

Моряк моряка — чует издали, несмотря почти на десятилетнюю разницу в возрасте, мы сразу стали на "ты".

Через годы я не забыл его своеобразный окающий говорок:

— Капитан, пропились. Ты меня покормишь?

Я открывал банку райкинского "мирового закусона" — бычков в томате, и плескал в стакан "поправку для головы".

Прочитав в прижизненном еще сборнике известное его четверостишие:

*Стукнул по карману — не звенит,
Стукнул по другому — не слышать...
Если только стану знаменит,
То поведу в Ялту отдыхать.*

Я гневно подумал о том редакторе, который заставил Рубцова изменить прежний вариант, а именно:

*Ежели я буду знаменит,
Стану неимущих похмелять.*

Он прочел эти строки не мне одному, в моей комнате были его друг Анатолий Передреев и будущий драматург Евгений Чертков. Последний во здравии и может подтвердить мои слова...

А вот об этом эпизоде с Рубцовым я еще не рассказывал публично, в свои воспоминания не вставлял. И так, считал, много всего наворочено на Рубцова лишнего. А он был по натуре очень деликатный и даже застенчивый. Но это было, из песни слова не выкинешь...

Летом было это, жаркий день стоял. Часов в шесть к вечеру прибегает Толя Передреев:

— Александр Николаевич, выручайте: Коля попал в милицию, за что, не знаем...

Кажется, это было в шестьдесят третьем. До его исключения с очного отделения, точно. Был воскресный день. Одеваю форму. Иду в милицию. Она рядом. Прихожу, а там сидит капитан за столом дежурного. А я для него старший по званию, тогда еще капитан третьего ранга, майор по сухопутному. Капитан при моем появлении поднялся, козырнул.

— Знаете, тут недоразумение получилось, — говорю, — наш студент каким-то образом попал к вам. А это очень интересный поэт. Когда-нибудь у вас тут будет мемориальная доска в честь: "Здесь сидел Николай Рубцов".

Во Владивостоке есть мемориальная доска: "Здесь, на гауптвахте, сидел Сергей Лазо". Я сам сидел там трое суток...

— Вы знаете, — говорит капитан, — что он натворил?!

Я удивился: что Рубцов натворить может? Не буян, не скандалист...

— Он на троллейбусной остановке, где люди стоят, в урне общественный туалет устроил...

— Знаете, — говорю капитану, — у меня вот у самого почка побаливает, потому мне все понятно — у Рубцова такая же беда. Не выдержал...

— Да он же еще пьян был! — говорит капитан.

— Тем более... Я вас очень прошу... Это хороший парень, безобидный... Понимаю, какая-то баба закричала, а милиционер оказался рядом, отвел к вам в отделение...

Открыл капитан "обезьянник", а Рубцов там один. Не успели еще наловить ни хулиганов, ни пьяниц... Лежит на топчане, спит. Сандалии только желтые свои снял...

Я его разбудил:

— Коля... Пойдем скорее, тебя отпустили...

Капитан написал в своих бумагах: "Задержан по ошибке".

Привел Рубцова в общежитие, говорю Передрееву, они в одной комнате жили:

— Толя, закрой его, а то убежит, опять попадетс...

Утром, понедельник, часов в семь кто-то скребется у меня под дверь. Открываю, он входит:

— Капитан, я тебе должен. Спасибо! Выручил. А что опять я натворил?.. Тебе за меня было стыдно, наверно...

— Ладно, Коля, ладно... Ничего страшного не было, все обойдется...

Потом, через годы, он подписал мне свою "Звезду полей", которая сразу и прославила его.

г. Москва

«ДУШОЙ, КОТОРУЮ НЕ ЖАЛЬ...»

Нет ничего странного, что любимые стихи хороших поэтов со временем в нашей памяти становятся как бы полнокровнее, наполняются новым провидческим смыслом, все сильнее берут за душу, ежели она есть, душа. Они неожиданно-негаданно, подобно лопнувшему маковому бутону, вспыхнут в сознании и цветут уже долго и привязчиво, тревожа и волнуя своей необъятной высокой красотой.

Так недавно случилось со мной, когда вдруг в какой-то злой замороченный час — а добрых часов у нас становится, увы, все меньше и меньше — из гнетущей январской промозглости выплыли и зажили во мне полубытые строчки Николая Рубцова: «И тихо так, как будто никогда уже не будет в жизни потрясений...» Несколько дней в никчемных заботах, раздражаясь или закипая отчего-то, я бормотал про себя: «Уже не будет в жизни потрясений...» — и обретал желанное душевное успокоение.

Конечно, я помнил волшебное, тончайшее по настроению и льющейся музыке слов продолжение этих строк:

*И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...*

Но в потрясенной донельзя стране и жизни обещание конца потрясений задевало больше.

И сами по себе стали вспоминаться другие стихи давнего погибшего учителя и друга, пророческий смысл которых в полной мере открылся только сейчас, в дни утрат и потрясений. Их можно цитировать до бесконечности:

*Огнем, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет!..*

*Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа...*

*Что все мы почти над кувалдой,
Несемся и дальше стрелой...*

Предошущение грядущих потрясений в судьбе России, трагичности ее пути постоянно мучило Рубцова и суровым грозным отблеском озаряло его стихи. И свою судьбу он предрекал, предрекал свою смерть в крещенские морозы и погиб на Крещение 19 января 1971 года. Но в полную гибель России не хотел верить, отчаянно цеплялся за какие-то надежды, при этом ссылался на Ленина: «Вот Ленин взял да выдумал нэп, и накормил народ! И у нас, погляди, кто-нибудь что-нибудь выдумает». Разговор происходил в конце тех же 60-х, когда стране, казалось, ничего не грозило, она сама грозила чуть ли не полмиру, а уж к проблеме питания даже мы, полунищие студенты Литинститута, относились спустя рукава. Я же был сыт и пьян по ноздри своим студенчеством, званием поэта, первыми публикациями, близостью к Рубцову и с великим недоумением наблюдал за его тревогами и вечной тоской.

Николай пытался бодриться, писал шуточные стихи, распевал их в общежитских коридорах, а звучали они все равно грустно.

г. Волгоград

Аршак Тер-Маркарьян

РУБЦОВСКАЯ ГИТАРА

Он всегда появлялся в общаге неожиданно. Старался быть незаметным, но беспроволочное радио как бы разносило: «Коля приехал!» Уже не помню, по какому поводу Виктор Яковченко, Борис Примеров и я оказались в его комнате. Николай сидел за столом, на котором сиротливо ютились вчерашние пирожки с капустой, стаканы с недопитым чаем и початая бутылка беленькой. Семиструнная гитара в его хватких руках ожила, затрепетала. Казалось, он пел самому себе:

*Стукнул по карману — не звенит,
Стукнул по другому — не слышать!
Вот когда я стану знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...*

Виктор Яковченко загорелся:

— Коля, дай. Я свою сыграю. — И запел, по-шахтерски гулко бася:

*Будем тянуть вино там
Красное, как коммунизм...
Нам говорят: «Работай!»
Нам говорят: «Трудись!»
Голь раздирает глотку:
«Что ж это за страна,
Коль впереди — решетка,
А позади — тюрьма?»*

Рубцову явно не понравилось.

— А ты, бездарь, пошел отсюда! — сказал мрачно и повелительно. — Да и все вы — вон!

Я не двигался с места:

— Коля, а что ты такой грозный?

Разве не боишься, что можешь за такое поведение схлопотать?..

— Знаешь, Аршак, они ушли. А ты — гордый, мог бы ударить. Тебя-то я не прогнал?! — почти удивленно, улыбаясь, ответил он.

Нет-нет, да и вспоминаю мучительно тот роковой, последний день — день с Николаем Рубцовым. Его безмолвную семиструнку, изогнутую, как радуга в семь цветов. Где он надрывно взял черную, самую трагическую ноту в поэзии и в жизни, словно чувствуя прощальный исход, до которого оставался ровно месяц...

БУТЫЛКА ДЛЯ РУБЦОВА

Мы столкнулись с ним в коридоре общежития.

— Аршак, займи полтинник.

На тонкой шее, как неприкаянный шар, болталась голова. Черный шарф, словно сонный удав, обволакивал, не прикрывая бледных ключиц. Куртка нараспашку. С похмелья, подумал я, сунув потную монетку в цепкую руку.

— Пока, Коля! Мне зачеты сдавать...

— А-а-а, понятно, с Богом тебе, ни пуха...

Рубцова я не видел несколько дней. Укатил в Вологду. Как-то утром неожиданно объявился.

— У меня целковый есть! — радостно доложил он.

— Бумажный?

— Да. — И он протянул мне памятный рублишко. — Сообразим?

— Конечно. — И я решительно дви-

нулся к магазину за углом, где у стойки уже толпились мужики.

— Здесь очередь! Куда прешь?

Я внезапно продвигался к заветному месту. Толпа нехотя расступалась, видя мою непоколебимость. Наверное, думали, проверка или переодетый мент. Растолкая стеганые спецовки работяг, я протянул рубль: «Галочка, бутылку. Пожалуйста, без сдачи...» И продавщица без слов вручила мне родненскую. Толпа ничего не успела осмыслить и выдала меня из себя, как из тюбика пасту. Коля, держа серый картуз в одной руке, а другую прижимая к сердцу, ошарашенно вымолвил, округлив глаза:

— Ты гений, Аршак. Честное слово, гений!..

Бутылку мы распили в общаге под кильку и салат. Захорошело.

— Аршак, — начал меня уговаривать Рубцов, — у тебя получается. Давай еще разок, у меня еще целковый завалялся...

— Коля, второй раз не получится! Это бывает раз, когда народу много... Она меня, видимо, с кем-то попутала.

— Нет, у тебя получится! — убедил меня Николай.

...В магазине народу было много. Как только я протянул рубль, профессиональная память продавщицы сработала мгновенно.

— Вы мне должны три рубля!

Денег не было, и пришлось оставить в залог часы. Возвращаясь, я сокрушался. Коля молчал. Он понимал, что сморозил глупость. Я больше никогда не пытался повторить свой «подвиг»...

г. Москва

Ты с кораблем прощалась...

*С улыбкой на лице и со слезами
Осталась ты на пристани морской,
И снова шторм играет парусами
И всей моей любовью и тоской!*

*Я уношусь куда-то в мирозданье,
Я зарываюсь в бурю, как баклан,
За вечный стон, за вечное рыданье
Я полюбил жестокий океан.*

*Я полюбил чужой полярный город
И вновь к нему из странствия вернусь
За то, что он испытывает холод,
За то, что он испытывает грусть.*

*За то, что он наполнен голосами,
За то, что там к печали и добру
С улыбкой на лице и со слезами
Ты с кораблем прощалась на ветру...*

Николай Рубцов

Валентин Сафонов

Корабль

(Из повести "Николай Рубцов")

Все, даже и не видящие моря, представляют, что такое корабль. Не всем, однако, ведомо, что такое служба на боевом корабле. И многолетняя, изо дня в день, жизнь в четко ограниченных пространствах металлических отсеков. Но призвали — служи! Целых четыре года! И, положа руку на сердце, скажу: эти четыре года были для нас превосходной школой жизни. А о корабле в стихотворении "Корабль", которое очень нравилось Рубцову, замечательно сказал наш флотский поэт Валерий Белозеров. Приведу здесь две строфы — первую и последнюю:

*Железные палубы, трапы, надстройки,
Железные поручни, люки, обрезы...
Железные кубрики, пиллерсы, койки —
Железо, железо, сплошное железо...*

*Открытые лица, широкие груди,
Железные палубы, трапы, обрезы,
Железные нервы, железные люди —
Железо, железо, сплошное железо.*

Помню, когда Валерий, в то время судовым врачом, впервые прочитал эти стихи на занятии литобъединения, мы долго и потрясено молчали. А затем поднялся Николай и торжественно изрек:

— Классика! Как тихоновская "Баллада о гвоздях".

И мы согласились с ним, ибо каждый подумал, что, наверное, так же мог бы сказать о себе, о своей службе на корабле, но вот не сумел, а старший лейтенант Белозеров сумел...

Теперь, по прошествии лет, понимаю, что Колина оценка стихотворения была несколько завышенной. Но ведь теперь-то я щеголяю в цивильном пиджаке — не в бушлате.

В те годы флотской нашей юности Рубцов был очень общительным человеком. С отчаянной смелостью врубался в любой разговор о литературе, тем паче о поэзии. Если сам читал стихи или вслух размышлял о чьих-то — тут Колю слушать не переставать. И замыкался лишь в том случае, когда невзначай или с назойливым интересом касались начал его жизни: где родился? Возле кого рос? Коснуться этих самых начал — все равно что открытую рану зацепить: Рубцов или молча злился, или отвечал грубостью.

Конечно, все это — и злое, не подступись, молчание, и нарочитая грубость — лежало на поверхности, было формой самозащиты. А в душе его постоянно жила огромная, невыразимой силы, негаснущая тоска по родительской ласке, которой он, осиротев в младенчестве, не запомнил; тоска по отчужденной крову над головой, которого никогда не было в его жизни.

Как-то он меня спросил:

— У тебя родители живы?

— Живы.

— Отец воевал?

Я молча кивнул, испытывая странное стеснение и не решаясь рассказать, что не только отец — вся наша семья, включая меня и брата Эрика, прошла через войну начиная с самого ее первого дня. Что пережили мы и угрозу расстрела, из-под которой нас увел назначенный немцами и расквашившийся староста, и колючую проволоку концлагеря, и лесные партизанские землянки.

— Ты счастливый: отец и мать есть — не пропадешь! — позавидовал Николай. А я вот всю жизнь один. И всю жизнь боюсь затеряться. В детдоме боялся. И потом, когда бродя-

жил, менял адреса и работу. И в учебке тоже, когда выдернули из привычной одежды...

Мы жили литературой, жили поэзией — обостренно, взволнованно, взахлеб. И я еще скажу об этом, а здесь напомним лишь, что год нашего призыва на службу — 1955-й. Что незадолго перед тем умер Сталин. Что именно на время нашей флотской службы пришелся XX съезд партии, сурово осудивший культ личности. Отчетливо помню собственные ощущения тех лет: если в книге, взятой из корабельной библиотеки, спотыкался на имени Сталина — откладывал ее, не дочитав. Потому, наверное, искал преимущественно классику.

Было много споров, много разговоров, и неясного и смутного хватало. Вот почему дорожили мы каждой возможностью вырваться на занятия литературного объединения. Вырывались не только ради занятий, подчас довольно бледных... Главное начиналось после — когда разбившись на группки, бродили мы по улицам Североморска или уходили в сопки, подальше от начальства и несговорчивых патрулей. Тут уж доставало и споров и суждений.

"Железные люди с железными нервами" тоже подчас давали слабину. Помню, флотская газета напечатала подборку стихов Вити К. С портретом автора — молодцеватого старшины второй статьи, с теплым напутствием. Такие подборки были традицией, почти все члены литобъединения прошли через эту купель, через этот обряд крещения. Витя, человек неуступчивый и сверх меры самолюбивый, на радость "заложил за воротник" и, уличенный в непозволительном поступке, надерзил начальству. Его, естественно, наказали, "зарубив берег", то есть надолго лишив увольнений. А когда праведной службой он добился прощения — пришел к нам с надрывной жалобой:

— Обрыдло все!

— Что все?

— Да все на свете! И чертовы эти сопки, похоже на сухари, и океанное море.

— Море-то при чем? — спросил я, изрядно обиженный на бравого старшину: моими стараниями его подборка увидела свет, мне же первому и нагорело за его грехи.

— А при том! — взъярился Виктор. — Куда ни глянешь — каждая вещь с казенным клеймом. Подушка, на которой сплю, одеяло, которым укрываюсь, простыни. На полотенце клеймо, на робе, на бескозырке.

Зло сплунув, отвернулся и пошел вниз по улице Сафопова, самой в то время красивой — парадной — улице. А мы стояли на широких ступенях Дома офицеров, в одном из залчиков которого только что отзанимались литобъединенцы, и растерянно смотрели ему вслед. Хоть бы руку, что ли, подал на прощание!

— Виктор! — позвал я негромко.

— Не надо, — тронул меня за рукав Рубцов. — Не стоит.

— Нелепо все, глупо, — возразил я. — Надо догнать.

— Не стоит, — повторил Коля. И, нахмурив лоб, после паузы, выговорил с сожалением: — Не будет из него поэта. Только себя и видит, и никого вокруг больше.

Рубцов оказался прав в своем пророчестве. Вот уже и десятилетия минули с того момента, как простились мы с флотом, а

Виктора в литературе — с поэзией, с прозой — так и не встретил я ни разу.

Вспоминая не единожды эту картинку, снова и снова прокручивал ее в воображении, я думал: вот Рубцов-то как раз всю жизнь спал на клейменных подушках и укрывался одеялом с казенным клеймом. В детдоме, на флоте, в заводской общежитии и позже — в общежитии Литературного института. Вот он-то как раз больше, чем кто-либо другой, имел право сказать, что ему все обрыдло.

Ан нет, и намеком не обмолвился!

Еще штрих — и к портрету поколения, и к портрету Рубцова.

Зашел разговор о событиях в Египте: по времени пришлось они на осень пятидесят шестого года. Арабам империалисты не могли простить национализацию Суэцкого канала: против Египта с ходу развязал войну Израиль, на стороне Тель-Авива немедленно выступили англичане и французы.

По флоту была объявлена повышенная готовность: тревоги игрались поминутно, спали мы не раздеваясь, да и громко это сказано — спали. Счастлив уже, коли вырубиться на полчаса — до очередной сирены. Мир, казалось, висел на волоске. Вот-вот полыхнет она, третья мировая...

Так вот, вспоминая те дни, Рубцов обмолвился, что писал заявление с просьбой отправить его в Египет в составе интернациональной бригады. На помощь страдающему народу.

Подобные заявления написали сто тридцать матросов и четыре офицера.

— Ну и что у тебя вышло? — спросил я Рубцова.

— Толку не вышло, — ответил он. — Вызвал "святой отец" и прочитал "проповедь". Тем и кончилось!

"Святой отец", так мы называли заместителя командира корабля по политчасти, вызывал и меня. По такому же точно поводу...

**Юбилейные вечера
Николая Рубцова
в Сургуте.
По страницам
городских газет —
накануне и в дни
поэтического
праздника**

Звезда Рубцова

Творчество Николая Рубцова — это необычайной глубины лирика, выражение искренней любви к Родине, нашедшей отражение в душах россиян, и не только. Книги его переведены на многие языки мира и сейчас издаются большим тиражом.

В Сургуте ежегодно, почти двадцать лет, проводятся "Рубцовские чтения". Поэзия Н. Рубцова собирает многочисленных любителей его творчества.

Такие встречи становятся теплыми от звучащих стихов и песен на стихи Рубцова.

За эти годы одним из почитателей творчества поэта Сергеем Лагеревым собран большой архив о Н. Рубцове. Благодаря имеющимся материалам можно услышать живой голос поэта, посмотреть фильм о его родных местах, познакомиться с коллекцией прижизненных изданий, а также со многими документами, связанными с его жизнью и творчеством.

На последней встрече, состоявшейся в историко-культурном центре "Старый Сургут" — в "Доме журналистов", возникла идея провести юбилейные городские вечера "Рубцовских чтений" в январе 2001 года. Эту идею поддержал Департамент культуры, молодежной политики и спорта администрации города. Идет подготовка к проведению "чтений". В планах: конкурс на лучшую творческую работу, музыкальный конкурс, выпуск сборника стихов "Венок Рубцову". По всей вероятности, откликнется на приглашение дочь поэта — Елена Рубцова, руководители "Рубцовских центров" в С-Петербурге и Вологде.

Анжелика Давыдова,
старший научный сотрудник
историко-культурного центра
"Старый Сургут".

Венок певцу русского одиночества

"В горнице моей светло..." — этими словами открылись "Рубцовские вечера".

В зале "Строителя" и вправду было светло при всей приглушенности света — от тепла сердец небольшой аудитории искренних поклонников творчества поэта.

А событие было необычное — вечер презентации нового сборника, созданного усилиями многих людей, любящих творчество поэта, при поддержке управления культуры горадминистрации, которое помогло организовать и сами вечера в год 65-летия со дня рождения поэта. "Венок Рубцову" — плод кропотливой работы, которая протекала как в Сургуте, так и в Санкт-Петербурге (в этом городе Николай Рубцов работал).

Сюда вошли 300 избранных стихотворений, высказывания писателей, литературоведов, друзей и поклонников Рубцова. И очень приятно на самом деле, что сборник вышел не на малой родине поэта — в Вологде, не в Москве, где он учился в Литературном институте, не в Санкт-Петербурге — хотя и там очень хотели издать эту книгу, а именно в нашем городе, где так любят стихи Рубцова.

Много песен и поэтических произведений, написанных под влиянием его строк и на его стихотворения, прозвучало на этом вечере. В исполнении как любительском, так и профессиональном, но и в том, и в другом случае одинаково от сердца, с любовью.

Особенно яркое впечатление оставило исполнение авторских песен на стихи Рубцова Владимиром Патрушевым, московским ак-

тером. Сборник Рубцова подарили ему во время гастролей в Вологде в далеком 1978-м году, а спустя год появилась первая мелодия на его строки. Сегодня и Патрушева уже 14 песен на стихи Рубцова — дерзких, задумчивых, очень разных.

— Многие пишут музыку на слова Рубцова, у каждого он свой. И я, наверное, тоже показываю своего Рубцова, как я его понимаю и чувствую, — сказал Владимир, предвзяв свое выступление. И он был прав — у каждого свой Рубцов, каждый может найти в нем что-то для себя и от себя.

Затаив дыхание, слушали собравшиеся каждого выступавшего, особенно тех, кто встречался с Николаем Рубцовым при его жизни.

Николай Денисов — поэт, главный редактор альманаха "Тюмень литературная" учился с Николаем Рубцовым в Литинституте двумя курсами младше.

— Трудно представить его в нынешнее время, но те, кто его знали, помнят не только прекрасные стихи, но и житейский облик поэта — белая рубашка или свитер, шарфик, скромное пальто, грустный и часто одинокий вид, несмотря на толпу почитателей...

Глубинное русское одиночество стоит за стихами Николая Рубцова, угдывается в его фотопортретах. И все же он не одинок. Свидетельство тому — литературный венок, который подарили выдающемуся поэту русские литераторы, почитатели и ценители его таланта.

Евгения Ларина.

"Россия, Русь! Храни себя, храни!"

"Рубцовские вечера" — широта и искренность сургутян на юбилей поэта, показатель зрелости общественного сознания

"Здесь есть основания для более глубокого понимания значимости самого поэта. Его лирика оказалась созвучной сознанию самых глубинных слоев нашего народа", — сказал профессор Ю. А. Дворяшин, открывая в Сургутском пединституте вечер "Звезда полей".

Любители поэзии Николая Михайловича Рубцова тепло принимали выступление поэта и редактора "Тюмени литературной" Николая Денисова, который в студенческие годы общался с Рубцовым в Литинституте, в Москве. Выступившие Петр Суханов, Сергей Лагерев, Евгений Селиванов, Сергей Сметанин были едины в том, что А. С. Пушкин подарил нам величие слога, а Н. М. Рубцов — простоту души, воплотив ее в стихах.

*Все, что есть на душе,
до конца выражает рыданье.
И высокий полет этих гордых,
прославленных птиц.*

Познание души сегодня является главным направлением формирования новой цивилизации, при которой роль поэзии будет ведущей. "Поэзия есть высшее руководство в перерождении человека в высший тип", — писал Н. Гумилев. "Чтобы не захлестнуться в инертности жизни, люди обращаются к чистой духовности, доказывая свою жизнеспособность "к высокому строю души" (Н. Рубцов). Его поэзия — звучащие струны души, венок цели чувств, восприятий, переживаний,

движение мысли", — говорила на вечере доцент пединститута Н. А. Дворяшина, — Стихи Рубцова освобождают от мелкого и объединяют всех в едином чувстве — том, которое для поэта было самым дорогим:

*...Что нет на свете лучшего подарка,
Чем в день рожденья общая любовь".*

Думаю, что этот подарок поэту у нас в Сургуте состоялся.

Ветер рубцовских стихов не дает покоя нашим душам и щемит до спазма в горле острой болью за человека, за Россию в целом.

*Эх, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?*

Удивила всех Наташа Куваева, землячка поэта Рубцова, студентка четвертого курса СурГПИ, победительница в номинации "Звезда полей" за цикл стихов о поэте, своим осмыслением поэзии Рубцова: "Я благодарна ему за то, что помог осознать мне свою принадлежность. В часы самой тяжелой усталости я вспоминаю взгляд Рубцова.

*Отчего по лугам росистым,
По рублевской земле не пошла?
Что искала в просторе мгlistом,
Что искала и что нашла?..»*

"Рубцовские вечера" способствуют сохранению национального здоровья нашего общества, вызывая внутреннее движение к осмыслению жизни, повышая рост душевной энергии каждого человека.

В. К. Кузина, ежегодно отдыхая в Вологде, приносит цветы на могилу Николая Рубцова от себя и сургутян.

Таисия Смылова.

К ИМЕНИ БИБЛИОТЕКИ

Почему бы нам не подарить недавно открытой, прекрасной библиотеке в Сургуте имя огромного русского поэта Николая Рубцова? Думаю, что Александр Сергеевич Пушкин не обиделся бы, услышав такое предложение!

Именно в Сургуте начинались вечера и литературные встречи, озаренные светлой лирикой Николая Рубцова. Зародились они в делкие 80-е годы прошлого века. За прошедшие лета любовь к Рубцову вырвалась из Федоровки, где мы тогда впервые съехались со всех сторон — из Москвы, Свердловска, Тюмени, Сургута — чтобы вспомнить Поэта, и разошлась эта любовь по многим уголкам Отечества.

Если уж сказать по-честному, то надо признаться, что ни Шекспир, ни Данте, ни Пушкин не сказали — (за исключением Кольцова и Некрасова) — о русской матери и деревне так светло и близко нам, как это сделали Есенин и Рубцов. Честь и труды прошлых веков гениев отмечены всемирно. Слава и талант наших современников тоже должны иметь место в родном Отечестве...

Нынче Сургут уже с полным правом чествует Николая Рубцова большим литературным праздником. Прошел поэтический конкурс. Есть прекрасные работы людей, с большой нежностью хранивших в себе волшебную поэзию Рубцова. Город обретает культуру, радуется талантам. Люди начинают улыбаться друг другу.

И еще потому, наверно, возник настоящий вопрос, что все города России буквально испещрены именами Ленина, Маяковского, Островского, Горького. В этом плане досталось и Пушкину... Не пора ли задуматься и в свое время. Не оскудело оно на большие таланты.

Петр Суханов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЭТА

"Летом 1969 года, когда мы в Тюменской писательской организации намечали участников предстоящих дней советской литературы в области, я предложил включить в список для приглашения и поэта Николая Рубцова. Для широкого читателя поэт в ту пору был еще мало известен. Помню, я настоял на приглашении, и руководитель организации Константин Лагунов официально послал в Вологду письмо Николаю Михайловичу. Он написал в ответ, что приехать сейчас не может, но обязательно попозже придет в тюменские края..."

Об этом на открытии "Рубцовских вечеров" в Сургуте рассказал поэт Николай Денисов. И, казалось, вот оно сбывается пророчество, как сбывалось до этого все обещанное Рубцовым в поэтические строки: с небывалым размахом в Сургуте отмечается его 65-летие, издается сборник "Венок Рубцову", приглашены поэты, музыканты, хранители, собиратели со всей России, вовлечены лучшие сургутские силы, три вечера в разных залах будет царить поэзия...

Писатель Федор Абрамов как-то заметил: "Бог явил нам радость и чистоту в виде стихов Рубцова и взял обратно: недостойны".

Хотя, обо всем по порядку. Первый раз любители поэзии Николая Рубцова на нашей земле собрались в далеком ныне 1988 году в поселке Ново-Федоровском. Родоначалником новой традиции зажигать памяти поэта свечи в крещенские морозы были Е. Н. Селиванов и А. Ф. Резяпов. Здесь, пожалуй, стоит отметить, что Рубцовский центр на родине поэта в Волгде был создан лишь спустя два года, а в Санкт-Петербурге — спустя пять лет. В последние годы груз сохранения, развития и продолжения традиций взял на себя страстный поклонник Рубцова, коллекционер, обладатель трех автографов поэта и, наверно, всех изда-

ний его книг, сам поэт, руководитель Сургутского Рубцовского клуба Сергей Лагерева. Он же, естественно, явился одним из инициаторов проведения "Рубцовских вечеров" в этом юбилейном году.

Неофициально, но традиционно они начались 19 января в Доме творческой интеллигенции, где состоялось открытие выставки из частной коллекции С. А. Лагерера "Отчизна и Воля — останься со мною, мое божество!" и вечер "Диалог с Рубцовым". Идея вечера строилась на потребности отойти от глянцевого имени поэта и попытаться ответить на его "искреннее слово", продолжить его своими стихами и прозой.

Официально же "Рубцовские вечера" начались 23 января в ГКДЦ "Строитель" презентацией книги "Венок Рубцову". Этот сборник — плод многолетнего кропотливого труда руководителей Санкт-Петербургского и Сургутского Рубцовских центров — С. А. Сорокина и С. А. Лагерера, собравших более 350 стихотворений, посвященных жизни, творчеству и памяти Н. М. Рубцова. В книгу, изданную тиражом 500 экземпляров при финансовой поддержке Департамента по культуре администрации Сургута, вошли более ста произведений, в том числе трех сургутских авторов.

"Я должен преклонить колени перед Сургутом и его жителями за их любовь к великому русскому поэту, моему земляку!" — сказал со сцены "Строителя" С. А. Сорокин.

День второй был окрашен внезапно покрепчавшим морозом и академизмом кафедры литературы педагогического института. Совмещение стихов П. Суханова, Н. Сочихина, С. Сметанина, Г. Ешимова, открытия этих дней Натальи Куваевой, песен в исполнении Владимира Патрушева с литературоведческими изысканиями сотрудников кафедры лично у меня вызвало состояние легкого шока.

День третий, на мой взгляд, оказал-

Дочь поэта Елена Рубцова возле памятника отцу в Вологде

ся наиболее эмоционально насыщенным. В камерности зала Центра искусств рождалась попытка соединить все лучшие элементы, накопленные традиции, с новыми формами и мозаичными фрагментами двух первых дней торжеств. Поэтической заданности вечера во многом способствовало небольшое представление, подготовленное и представленное на суд публики артистами Сургутского музыкально-драматического театра. Нет нужды пересказывать ход действия, самое главное, что наконец-то со сцены говорили не о стихах, а сами Стихи. И зал благодарно откликнулся на долгожданное живое слово.

Сюрпризом вечера стало подведение итогов открытого конкурса "Звезда полей". Победителями его стали Наталья Куваева, Ирина Луговая, Вячеслав Герасев и Александра Лазарева.

Стоит отметить, что прошедшие три дня под звездой Николая Рубцова взбудоражили многие умы и души на всех уровнях городской иерархии. Предложений сделать подобные праздники регулярными, провести марафон по округу, области, России, издавать альманахи, сделать спецвыпуск журнала "Тюмень литературная", организовать в городе работу Центра современной русской поэзии и т. д. и официально, и в кулуарах прозвучало немало. Остается лишь надеяться, что каждый из присутствующих в зале унес с собой частичку светлой искренности поэта, что в книжных магазинах снова пропадут и появятся вновь сборники его стихов, что в уединении, прикоснувшись к вологодским напевам русской души, зазвучим в ответ и все мы, и тогда-то в этот песенный город, возможно, под другим именем и фамилией, вернется — как обещал — Николай Рубцов.

Евгений Коваленко.

ИЗ КОНКУРСНЫХ РАБОТ К ЮБИЛЕЮ Н. М. РУБЦОВА

“Лучшие на свете стихи...”

Вологда начинается для меня с вокзала, с киоска, где можно купить все — от бисера до сборника стихов Рубцова, со знакомого и приятного “оканья” на автобусной остановке. “Любишь Вологду?” — спросила меня однажды знакомая, с которой мы вместе ждали рейсовый автобус на Бабушкино. Мне не хотелось говорить и я просто кивнула головой. “Я тоже люблю. Ты замечаешь когда-нибудь, что в старых городах совсем иной ритм жизни? Да вон, посмотри, бабушка с бидончиком пошла — где еще увидишь такое?”

Ритм... Ритм старых городов... Моя подруга говорила мне, что Вологда — лучший город на земле, и что два года назад в их университете читала свои стихи Ольга Фокина. В детстве мы знали трех поэтов... трех, с которых и началось все: Н. Рубцов, О. Фокина, А. Яшин. Ему я благодарна за то, что помог мне осознать свою принадлежность и за то, что Вологда, начинаясь для меня вокзалом, продолжается дорогой, сменяющимися друг друга перелесками, полями, деревеньками.

Вологда продолжается для меня Тотьмой. Когда-то, будучи еще ребенком, я сказала маме: “Вырасту, куплю себе дом в Тотьме. Буду в нем жить и слушать колокола”. Мама смеялась: “Зачем тебе — в Тотьме? У тебя и так есть дом в деревне”. Я чуть не плакала, но упрямо твердила: “В Тотьме!”.

Тотьма... Сухона... Памятник Рубцову... Все как в стихах: “Буду я и каменный навеселе...”. Непринужденная поза и Сухона с ее лодками, лодочками, а когда-то — паромами. В детстве я мечтала стать водителем рейсового автобуса, а после стихов Рубцова — паромщиком...

*Вот, я думаю, стать волосатым
паромщиком мне бы!*

*Только это избрать,
как другие смогли, —
Много серой земли,*

много серого неба

И немного пологой родимой земли...

В Тотьме я почти дома. Здесь моя первая церковь и здесь как-то проще и сильнее звучат для меня стихи

Рубцова. А Вологда — продолжается. Продолжается сотнями мелких деревушек, о которых никто лучше, правдивее Рубцова не говорил. И в каждом из них на праздниках поют любимую “Зимнюю песню”. Однажды я спросила у женщины, чье исполнение особенно поразило меня: “А чьи это стихи?” Женщина посмотрела на меня удивленно и тихо ответила: “Как же — чьи? Народные...”. Народные... А ведь и правда — в них все народное, и эти слова: “Были пути мои трудные, трудные... Где ж вы печали мои?” — тоже народные.

Трудны наши пути, но в часы самой тяжелой усталости я вспоминаю Вологду, дом, взгляд Рубцова с портрета в нашей сельской библиотеке и его стихи о родной земле — лучшие на свете стихи.

**Наталья Куваева,
студентка Сургутского
пединститута.**

Наталья Куваева

* * *

*На руки роняю голову,
За спиною — тишина.
Завтра, завтра еду в Вологду
Навсегда.*

*Застучат колеса поезда
Время — вспячь.
Завтра, завтра еду в Вологду.
— Что, опять?*

*На болота и малинники,
На закат и на рассвет
Завтра еду по-старинному
Посмотреть.*

*Только что-то клонит голову,
Вот беда!
Ну скажи, как ехать в Вологду
Без тебя?*

* * *

*Раствориться бы в небе этом,
Отхлебнуть из его ковша.
Отчего не родилась поэтом,
Поразмыслить бы не спеша.*

*Отчего по лугам росистым,
По рубцовой земле не шла?
Что искала в просторе мгlistом,
Что искала и что нашла?*

*Отчего, задержавшись с ответом,
Загляделась в безбрежность строки,
Так, как будто родилась поэтом
И умею писать стихи.*

* * *

*Здесь так тихо, молчат иконы.
Из углов — их бездонный взгляд,
Взгляд, вбирающий все поклоны
Старой бабушки и ребят.*

*“Не ленитесь, — дыхание мерно, —
Не жалейте упрямых лбов...”
И в такой вот избе, наверно,
Зимовал Николай Рубцов.*

*И в такой вот избе ночами
Перед печкой, присев, курил...
Здесь все так же... Вот только с нами
Нет кого-то, кто раньше был.*

*За окном бродит ветер, хмуро
На живой огонек косясь.
Эх, рвануть бы отсюда, сдуру
Не раскаявшись, не простясь.*

*А потом, в суете вокзала
Задыхаться от слез и слов
Об избе, где я так молчала,
И где жил Николай Рубцов.*

* * *

*Вернулся брат и на пол кузов
бросил.
“Смотри, какие! — закричал,
смеясь.—*

*Ты помнишь, у Рубцова, там,
про осень,
Про сапоги, которые скрипят?”*

*“Конечно, помню... Ах, вот это
грузди!
Где ты бродил? И как ты
их нашел?”*

*Гром умывальника: “Там где-то узел
С морошкой... Не вызрела еще.*

*А как там баня? Прочитай,
я с этим
Как с путеводной песней целый день.
По-моему, про сказки и про ветер,
Про плач и песни одиноких ведьм”.*

*“Да-да.. Иди, я чайник вскипятила..
Какие грузди! Помнишь, скрип
да скрип,
Под каждую березой, под осиной
Везде — здоровый, крепкий,
чудный гриб...”*

*Иди сюда! Мы оба любим осень:
Болота, рожи, тишину полей,
И клюкву.. И небес холодных
просесть.*

Садись, я прочитаю “Журавлей”.

Вологда — Сургут

“НАШЕЛСЯ БРАТ АЛЬБЕРТ...”

Когда я заканчивал подготовку к печати последних страниц этого номера “Тюмени литературной”, из Сургута позвонил взволнованный Сергей Лагереv — руководитель сургутского “Рубцовского центра”:

— Нашелся брат Рубцова — Альберт...

— Живой? — вырвалось у меня. Недавно в Сургуте на юбилее поэта мы немало переговорили с Сергеем на эту тему — о старшем брате Николая Михайловича, об Альберте, которого он любил, разыскивал, но так и не разыскал...

— Нет, к сожалению, — вздохнул Сережа, — но надо обязательно дать сообщение в этом номере. Никто еще не знает... знают только в сургутском Доме журналистов... Обязательно надо отметить, что это старалась наша журналистка Галина Владимировна Кондрякова. Ее заслуга...

— Передавай факсом! Записывай номер — в Тюмени примут наши друзья...

И вот держу страничку текста, “прилетевшего” из Сургута. Приведу ее полностью:

“Российская Федерация

Тюменская область

Администрация Уватского района

Отдел записи актов гражданского состояния

С. Уват

Ул. Ленина, 77, тел. 2-15-38

Союз журналистов России. ОО “Сургутская городская организация журналистов”. Председателю правления Зубареву А. П.

На Ваш запрос от 27.02.2001 г. № 21 сообщаем, что в архиве отдела ЗАГС администрации Уватского района Тюменской области по с. Горнослинкино имеется запись о смерти № 13 от 15.11.1984 г.

на гр. Рубцова Альберта Михайловича.

Дата и место рождения: 02.01.1932 г., г. Ленинград.

Дата смерти: 12 ноября 1984 г.

Место смерти: с. Горнослинкино, Уватский район, Тюменская область.

Заявитель: Киреева Клавдия Лукьяновна, с. Горнослинкино Уватского района.

Ведущий специалист отдела ЗАГС С. С. Баклаева”.

Это все. Сомнений никаких не оставалось... Невольно обратил внимание на нечто мистическое: даты рождения родных братьев по числу и месяцу почти совпадают — разница в один день. Старший Альберт родился 2 января 1932-го, Николай — 3 января 1936 года...

И опять мне вспомнилось лето 1969 года. В Тюменском Союзе писателей мы “прибрасываем” списки будущих участников первых у нас Дней литературы — Всесоюзных. Я настаиваю на внесении в этот список Рубцова из Вологды. Месяц назад мы виделись на Добролюбова в Москве, в литинститутской общаге. Рубцов тогда выпустился с дипломом, я сдал экзамены за четвертый курс... И вот если бы он приехал на литературный праздник в Тюмень! Я в то время работал в областной “Тюменской правде” и такие события мы освещали широко и первополосно. Писатели выступали на радио, на телевидении... И вдруг бы Альберт, а он, это известно, тоже писал стихи, заинтересовался литературными событиями! Вдруг... Это можно представить. И может быть, может быть, жизненная судьба того и другого как-то благополучней сложилась...

И еще вспоминалось, что у Рубцова в стихах есть несколько упоминаний о брате, имя его тоже упоминается. Стоит в голове такая строчка: “Помню, луна глядела в окно. Роса блестела на ветке...” Впрочем, вот оно, стихотворение, полностью в сборнике “Сосен шум”.

ВОСПОМИНАНИЕ

Брату

Помню, луна глядела в окно.

Роса блестела на ветке.

Помню, мы брали в ларьке вино

И после пили в беседке.

Ты говорил, что покинешь дом,

Что жизнь у тебя в тумане,

Словно о прошлом, играл потом

“Вальс цветов” на баяне.

Помню я дождь и грязь на дворе,

Вечер темный, беззвездный,

Собака лаяла в конуре,

И глухо шумели сосны.

Может быть, отыщется и тетрадка со стихами Альберта Рубцова...

Николай Денисов.

Имя Николая Рубцова, как в свое время и Сергея Есенина, обрастает легендами, в создании многочисленных почитателей облик этих поэтов витает где-то рядом. Их объединяет, по крайней мере, общность поэтических тем (Родина-мать, женщина-мать), общность мировосприятия, общность поэтической судьбы. И даже в схожести житейских судеб, в раннем трагическом исходе есть что-то одинаково роковое, неотвратимое.

Но было бы наивной несправедливостью, рассуждая о поэтической судьбе Рубцова, сразу же причислять его чуть ли не к апологетам Есенина. Можно исповедовать одни и те же идеи, устремления, мысли, но восторгаться или страдать, воспламеняться и гаснуть каждый был обречен самостоятельно. Краткое их свиданием с миром — это предельное ощущение Родины, испуленно-радостное растворение в ней, приобщение к Матери зримой и незримой.

Жизнь Николаю Рубцову, как и Есенину, словно приснилась: все, что любил и воспевал, — как бы в прошлом. И рай ему, как и Есенину, не нужен: “Я скажу, не надо рая, дайте Родину мою”. Родину как путь в горе, мимо всяких счастья. Рубцов, как и Есенин, счастлив неизбывной любовью к своей земле: “И счастлива я, пока на свете белом горит, горит, горит звезда моих полей”.

Есть в Болгарии такой обычай в Родопах: когда луна идет на ущерб, нельзя думать о детях, иначе они рождаются с половиной мира. Николай Рубцов глядел в небо на звезды, мимо луны. Энергия звезд и энергия памяти неслышно заряжали его, работали в нем. Об отношении Рубцова к Есенину пишет в своих воспоминаниях поэт Владимир Цыбин. Поэты шли по Москве, остановились возле памятника Алексею Толстому...

“А вот Есенину памятника нет, — почти надрывно сказал Рубцов и запахнул шарф, поглубже запахнув пальто”.

Разговор этот происходил 30 декабря 1970 года... А через двадцать пять лет автору этих строк посчастливилось участвовать в церемонии торжественного открытия памятника Сергею Есенину на Тверском бульваре — 2 октября 1995 года.

К Есенину у Рубцова отношение особое: “...Невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина. О нем я всегда думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь силе его стихов”.

Однако было бы пристрастным утверждение, что Есенин оказал решающее влияние на стихотворчество Рубцова. Но и утверждение, что Рубцов “целиком вышел из сюртука Тютчева и Фета, что он — прямой продолжатель их поэтической линии”, мягко говоря, не соответствует действительности. Достоверно же и непреложно одно: Тютчев и Фет пришли к нему намного позже Есенина, пришли уже к сложившемуся, умелому мастеру.

Круг литературных привязанностей Рубцова не ограничивается названными именами. Творения Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Некрасова, Полонского и Блока были для Рубцова прообразами его собственной духовной жизни. Именно это глубокое проникновение в стихотворные тайны и сделало Рубцова прекраснейшим поэтом.

Вячеслав Герасев,
инженер.
г. Сургут.

ПОЭТУ — С ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ:

“И буду жить в своем народе...”

При звуке имени Николая Рубцова до сих пор, как и 30 лет назад, обжигает чувство горькой безутешности от столь сурово сложившейся человеческой судьбы. И вновь, и вновь — дума о трудной доле русского поэта...

Но открывается книга — и звучат слова и строки, роднее и ближе которых в это мгновение, кажется, и не сыскать. В этой, словно по волшебству рождающейся сокровенной искренности, пожалуй, один из истоков самобытности дарований поэта. Но это же — одна из примет его всенародности. Оставаясь один на один со стихотворениями Н. Рубцова, его читатель не только в самом себе открывает нечто ранее не веданное, но и по-новому осознает свое духовное родство, и переживает выпавшие на общую долю испытания, как свои.

Для Н. Рубцова народность — не привлекательный ярлык, не расчет на массовость успеха, не заигрывание с толпой (подыгрывание ее вкусам, конъюнктурным желаниям и т. п.), а готовность изначально и до конца испить чашу судьбы народной.

Некогда М. Горький пронизательно высказал об одном из крупнейших поэтов своей эпохи, о С. Есенине, что он “не столько человек, сколько орган, созданный природой для выражения неисчерпаемой “печали полей”. Нечто подобное можно сказать и о Н. Рубцове, который, кажется, был создан природой для выражения состояния души русского человека, тиснетно жаждущего “миротворного” покоя для себя и своей Родины. Не случайно в его поэзии так пронзительно запечатлелось чувство горечи от грядущей утраты чего-то самого родного и близкого, что составляет сокровенную суть духовных устремлений соотечественника — целостности бытия, единства человека и мира. Даже в самые благополучные, исполненные душевного лада, мгновения, “в минуты музыки”, поэт не покидает ощущение грядущего разлома, который, однако, его не только не страшит, но и с достоинством принимается:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

В этой универсальности отклика на боль и страдания как человеческого, так и природного мира — весь Рубцов. В его поэтической Вселенной найдет утешение всякий.

Юрий Дворяшин,
доктор филологических наук, профессор
Сургутского ГПИ.

Поэзия жизни

Поэзия Н. Рубцова согрета любовью к человеку, к земле и небу, внутренне одухотворена, полна глубоких значений. Лирический герой его стихов всегда в пути — “дороженьке”, в “уплытии” на поезде и пароме, в прощании и провожании, в деревне и на вокзале; он весь устремлен в даль, в тревожное пространство. Лишь временами он испытывает тоску кратких свиданий. Но сколько бы он не уплывал “без оплядки” в большие города, не повидал там разных див, он не в силах порвать кровной связи с отчими краями, в душе и наяву он возвращается туда, “где окончил начальную школу”.

Поэт искренне признается:

*Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали.*

На родной земле он хотел бы:

*...превратиться
Или в багряный тихий лист,
Или в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом.*

Небо для Н. Рубцова — это символ духовной выси, нравственной чистоты, творческого порыва, и он готов славить небеса, когда его “медлительная лира легко свои поднимет паруса!”

В поздних стихах поэт стал раздумчив, острее зазвучали социальные мотивы, он стал глубже ощущать дыхание истории. Он понял, что душа его “хранит всю красоту былых времен”. Современность и древняя Русь, близкое и далекое, соотношение души и разума в творческом процессе, размышления над своей поэтической судьбой стали предметом напряженных рефлексий поэта. И он по-своему, оригинально, талантливо разрабатывал их в своих искренних стихах.

Владимир Андреев,
кандидат филологических наук,
доцент Сургутского ГПИ.

“Но стонет ветер! Не отдохнуть...”

В своих воспоминаниях, озаглавленных “Дикий луг”, Николай Рубцов рассказал об одном эпизоде из своего раннего детства: солнечным летним днем он увидел тяжело дышащего, убегающего от преследователей человека, которого заставил прекратить бег и пойти медленным шагом окрик: “Стой! Стрелять буду!” Увиденное глубоко поразило “еще ничего не понимающего толком” ребенка, и “впервые на этой земле, — скажет позднее поэт о пережитом, — мне было не столько интересно, сколько тревожно и грустно”. Не стал ли этот отпечатавшийся в детском сознании Рубцова случай своеобразным обозначением его собственной будущей трудной судьбы, да и судьбы русского человека вообще?

Николай Рубцов и в поэзию пришел с этим, никогда не затухавшим чувством. Определяющим знаком тревожно-грустной лиры Рубцова стал сквозной для его творчества образ ветра. Он, ветер, редко “тихий, как мечтанья”, чаще всего иной: “жалобный плач ночной”, в котором есть “жуткая тайна”, “ненастный шум вечерний”, “сводящий с ума”, воющий, свистящий, “всхлипывающий, как дитя”, сильный и резкий, гнавший поэта “по всей земле, по селам и столицам”. Этот стонущий российский ветер-бродяга, думается, полнее всего выразил неуспокоенное, тревожное состояние души поэта, не знавшей отдыха, ее тоску и смятение.

*Люблю ветер. Больше всего на свете.
Как воет ветер! Как стонет ветер!
Как может ветер выть и стонать!
Как может ветер за себя постоять!*

Недаром, родными “братьями” ветра, по справедливому замечанию В. Кожина, в стихах Рубцова предстают “буря, вьюга, метель, пурга, буран”.

Нина Дворяшина,
доцент Сургутского ГПИ.

ИЗ КОНКУРСНЫХ РАБОТ СУРГУТЯН

Александра Лазарева

*Ты живешь в моей памяти, мама,
В моем сердце, в моей мечте.
Поднимаешься утром рано
И весь день на ногах, в суете.*

*Я не помню, чтоб ты отдыхала,
Знать, написано так на роду.
Ты не просто ходила — летала,
Разговаривала на ходу.*

*Все могла: и в делянке с пилой,
В огороде картошку копать.
Только мало была со мною,
В редкий миг могла приласкать.*

*А с покоса всегда возвращалась,
Когда солнце ушло отдыхать.
Моя бедная, шла и мечтала:
Вот коров подою, да и спать.*

*Но заснуть не давали заботы
Вроде, только успела прилечь:
До того, как уйти на работу,
Пирожков ребятишкам испечь.*

*И пишу я об этом с тоскою,
И живу со слезами в глазах.
Все равно ты осталась со мною
В моих мыслях, в моих стихах.*

Шюмень литературная

Станислав Куняев

ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

Как это ни печально, но в последние несколько лет о Николае Рубцове, о его жизни и посмертной судьбе, о его друзьях и недругах написано много глупостей, продиктованных когда невежеством, а когда и прямой злобой. Профессор В. Новиков (литературовед со стажем) наконец-то через тридцать лет после смерти поэта додумался до того, что Николай Рубцов — это “Смердяков русской поэзии”. А сколько невежества и верхотвора самонадеянности в иных публикациях о Рубцове! Елена Данилова, опубликовавшая в начале 1999 года статью в “Независимой газете”, говоря о памятнике поэту в Вологде, пишет: “Ясно, что скульптор Клыков стремился к полной реалистичности...”. Неужели трудно выяснить, что автором “вологодского” памятника является местный скульптор А. Шебунина, а не москвич Вячеслав Клыков. Да что взять с журналистки, которая, вспоминая случай, когда Рубцов на заседании работников образования в ЦДЛ бросил реплику, что, мол, Есенина изучать надо, делает вывод: “Год на дворе стоял 63-й. Не то время, чтобы упоминать Есенина”. Серьезная газета и вдруг такую глупость мелет. Как будто на дворе был не 63-й, а 27-й год с бухаринскими “злыми заметками”.

Поэт Лев Котюков в своих мемуарах “Демоны и бесы Николая Рубцова” из кожи вон лезет, стараясь переписать прошлое: “Не надо Кожинову уверять публику, что он открыл нам поэта при жизни”. А зачем Кожинову уверять публику? Та публика, которая помнит шестидесятые годы, и без всяких уверений знает, как Вадим Валерьянович ценил Рубцова и любил его поэзию при жизни поэта. Стоит лишь вспомнить его выступления тех лет да заглянуть в его статьи. А вот еще один домысел Льва Котюкова. Он пишет о Передреве, который пожалев для Рубцова рубль взаймы, мысленно произносит: “В арбатский дом, например к Кожиновым, дальше прихожей тебе хода нет...”. Я свидетельствую, что Рубцов не раз бывал и в кожиновском и в моем доме. Более того, однажды Передрев, Кожинов и Рубцов приехали за полчаса до наступления Нового года к отцу Кожинова. Были они уже в праздничном состоянии, и более всех Рубцов. Когда же отец Вадима сказал сыну: “Ну Передрев, Бог с ним, а этот чересчур выпивший — нельзя ли без него?” — Кожинов поругался с отцом, хлопнул дверью, и вся компания поехала встречать Новый год в общагу.

Как снежный ком, с каждым годом нарастает кампания по ревизии судьбы и жизни Рубцова. Вот и Виктор Астафьев к ней подключился и меня помянул несправедливым словом в февральском номере “Нового мира” за 2000 год.

“Друзья, объявившиеся ныне во множестве у Николая Рубцова, в том числе выставляющий себя сердечным, самым близким другом поэта Станислав Куняев, не изволили быть на скорбном прощании. Они как раз в это время боролись за народ, за Россию, и отвлекаться на посторонние дела им было недосу”.

Зря Виктор Петрович разбрызгивает свою желчь. Лучше бы написал о том, как

он однажды Коле Рубцову не дал переступить порог своей квартиры и, больше того, “помог” ему с лестницы спуститься. Раньше Астафьев об этом охотно и со смехом рассказывал, что многие вологодские литераторы помнят. Сейчас, держа нос по модному ветру “культы Рубцова”, помалкивает. Не буду подробно вспоминать, почему я не приехал в Вологду на похороны. Известие о смерти — дело всегда тяжелое, обескураживающее, надрывное. Не надо бы Астафьеву глумиться над моими чувствами тех печальных январских дней. Откуда ему было знать, что я думал и как переживал нашу общую утрату. Скажу только, что не “посторонними делами занимался”, а некролог по просьбе Белова в “Литературную газету” писал. Собирал подписи друзей и добивался того, чтобы в номер срочно поставили. А что же касается ядовитой реплики Астафьева о друзьях, “объявившихся ныне во множестве”, куда он меня зачисляет, то добавлю только следующее. Недавно я, будучи в Вологде, с радостью обнаружил в вологодском архиве мои три письма Николаю Рубцову. А я-то думал, что они пропали. Нет, сберег их Николай Михайлович, несмотря на свою безымянную жизнь. Видимо, дорожил ими. Вот они, эти письма, как свидетельство наших отношений:

“Здравствуй, дорогой Коля!

Как тебе живется в твоём прекрасном далеке? Скоро ли приедешь к нам, порадуешь нас?

Пишу тебе не только по велению души, но и по делу. Книжку твою я сдал уже давно в издательство “Молодая гвардия”. Но пока ничего определенного они мне не говорят. В “Знамени” все стоит на месте. Я, видимо, заберу оттуда стихи и отнесу или в “Огонек”, или в “Литературную Россию”. Но я хочу, чтобы ты прислал мне еще стихов. Хотя бы из сборника “Душа хранит”, чтобы у меня их было побольше.

Толя уехал в Грозный вместе с Шемой. Игорь завоевывает Москву.

Пиши. Привет тебе от Гали.

Пьем мало, ибо нет ни денег, ни настроения.

Твой Стасик”.

(В целях экономии газетной площади публикуем только одно из писем Ст. К. Два других можно прочесть в журнале “Наш современник” № 1, 2001 г. — редакция “ТЛ”).

Все письма написаны Николаю Рубцову, еще неизвестному России поэту, в 1964 году. С Виктором Астафьевым он познакомился лишь через пять лет. Так что не следовало бы красноярскому классику язвить по поводу наших отношений. Впрочем, в новоявленных воспоминаниях есть немало точных и душевных размышлений о судьбе и поэзии Николая Рубцова, а также страстные монологи о Владимире Высоцком и нынешнем Останкино, под которыми я и сам готов подписаться. Но там же и столько глупостей наворочено о советской эпохе, о скульпторе Вячеславе Клыкове, который своего Сергея Радонежского “скоммуниздил у древних ваятелей”, о “чудовищном государстве под звериным названием Эс Эс Эс Эр”, о “нынешних коммунаках”, что поневоле подумается: “Куда там Новодворской или Сванидзе до Виктора Петровича! Поистине — “широк русский человек!”.

На любительском фото — студенты Литинститута (слева направо) Алекса Абдулаев, Николай Рубцов, Николай Денисов. На крыльце общезажития на Добролюбова, 9/11. Июнь 1969 год, м. б. июнь 1968(?).

Вера Худякова

Спасибо, Родина

“Спасибо, Родина, что
счастье есть!” —
Сказал поэт Рубцов и не ошибся.
Он просто больно о любви
расшибся
И боль его в груди, вот
где-то здесь.
А что такое счастье? Это свет
От материнских глаз,
родных и близких,
От серых туч, плывущих
низко-низко
Над грустью всех ушедших
дней и лет,
От мокрых перелесков и лугов.
Им так легко быть у дождя
во власти!
Еще, я думаю, бывает счастье,
Когда друзья сильнее всех врагов.
Спасибо, Родина, что счастье есть.
Оно кричало в детской колыбели
Звончей всех свиристелей
и апрелей,
И мне оно ничуть не надоест.
Спасибо за высокую любовь.
Что мне дает и силы и терпенье,
И светлые минуты вдохновения.
И радость, и восторг, и эту боль...
Спасибо, Родина, что
счастье есть!
с. Коммунар
Тюменской обл.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

ИЗ ОЧЕРКА "ВОЛОГОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ"

...Поэты подходили к своему идолу, одиноко сидевшему на берегу Сухоны. Тотемские власти давно поставили памятник Рубцову работы скульптора Клыкова, чем и заслужили признательность туристов. Поэт сидел на скамейке — в накинутом на плечи пальто, в добротных штиблетах, каких в жизни, небось, не нашивал. Хорошо ему тут было: у вольготной реки, столь многократно им самим воспетой...

После знакомства с памятником, мы, приезжие, вместе с властями, вместе с гостями из соседних городков, были званы на обед. Я не знаю, сколько нас было... может, сто, может, сто пятьдесят, может, двести. Сидели, во всяком случае, тесно, вплотную, как в стручках горошины. Угощали щедро, разнообразно, под многочисленными тосты. Пили за память о Рубцове, за гостей из Казахстана, из Белоруссии, за гостеприимных хозяев... После обеда осматривали места, связанные с пребыванием поэта в этом городе. Затем поехали еще за сто верст в деревню Николу, где поэт "окончил начальную школу" — открывать музей. До Николы добрались уже в темноте. Длинной, благонамеренной толпой ввалились в дом — бывший, недавно отреставрированный приют, где мальчик Коля Рубцов провел долгие восемь лет.

Я не стану описывать церемонию открытия музея — это дело тоже долгое. Да и не смотрел я музей детально. Всех этих стриженных девчонок и мальчишек я рассмотрел в детстве воочию. И фотографий давно почивших красноармейцев видел вдоволь. Меня интересовали живые люди. При входе в музей в зале-предбаннике я наткнулся на любопытную сцену: бойкая молодка с очень милым лицом, теребила своего худощавого мужа. Он стоял рядом, в черных валенках, в черной шубе, держа за руку ребенка.

— Поди, узнай, Ладухин приехал... чего-то его не видно.

— Приехал, — сказал я ей. — Я с ними сидел в автобусе. — И Ехалов приехал... — добавил я на всякий случай.

— И Ехалов приехал! — завопила молодка. — Пойду их искать...

Этот Ехалов, действительно, ехал с нами. Я не знал, кто он такой. Вчера на вечер он представился кратко: Ехалов... И посмотрел на меня значительно, будто знал всю мою подноготную. Я не мог его припомнить — убей Бог! Хотя лицо его кого-то напоминало... Он и в автобусе проверял меня укоряющим взглядом, словно дальний забытый родственник... Желая разобраться во всем, пошел искать славную парочку, или того же Ладухина. Парня в шубе и в валенках нашел в прихожей. Он курил сигареты, которые делались, скорее всего, на местной пилораме из опилок — так они горько пахли. Тут же сидели два майора — милиционеры в черных полушубках. Из расспросов выяснилось, что парень приехал сюда обустроить музей, присох к поэзии Рубцова, потом к одной девушке — теперешней своей жене...

В Никольском тоже состоялся литературный вечер. Хотя проходил он не в концертном зале, а в уютном клубе, но запомнился мне гораздо больше, чем вологодский. Выступали на вечере: мэр Тотмы Громов, друг Рубцова — Станислав Куняев, поэт Сергей Викулов, московский критик Владимир Бондаренко. Ну и другие корифеи. Напряженные местные школьницы пели песни Рубцова. Во время исполнения одной такой грустной песни в зале завылала собака. Майоры-милиционеры пришли из прихожей, заглядывали зал. Я знал, где сидит собака, но не выдал ее. Во время открытия музея собака семенила за низенькой старушкой, которую бережно водили под руки два корифея. Как мне объяснили, старушка была няней в приюте в военные годы и помнила мальчика Колю Рубцова. Сейчас собака сидела под полом у своей хозяйки и время от времени начинала выть.

...Когда мы пустились в обратный путь, над нами простиралось небо в алмазах, снежная равнина на все четыре стороны и сникшие усталые головы в жужжащих автобусах. Вологодское гостеприимство все-таки чревато... На поворотах или крутых виражах паломники-литераторы выпадали из кресел. Их водворяли обратно более твердые товарищи.

Как, я помню, гордился в юности стойкостью своих вологодских земляков! Сейчас, к моему огорчению, выпадали чаще мои земляки — мельчает народ.

Автобусы остановились в поле. Наши гиды закричали: "Всем на выход! Будем отмечать Старый Новый год! Сейчас без пяти двенадцать!"

Все ходячие выбрались из автобуса, сгрудились у пушистой елочки. А кругом простиралась снега, сверкающие под звездным небом. Подошел Володя Меньшиков, дернул меня рукав, указывая на низко висящую звезду, вероятно, планету. Прочитировал негромко: "Звезда полей во мгле заледенелой, остановившись, смотрит в полынь. Уж на часах двенадцать прозвенело, и сон окутал Родину мою..."

До чего же уместны были эти стихи, прочитанные под звездным небом, в морозную ясную ночь, в снежном поле, между Вологодой и Тотмой!

В Вологду прикатали часа в три ночи. Я помылся в номере, переоделся, вышел покурить в коридор. Мимо проходил Виктор Коротаяев. Мы с ним зашли ко мне на огонек и просидели за бутылкой вологодской водки до утренней зари. Коротаяев рассказал мне некоторые подробности той давней, страшной трагедии. Как они, с разрешения следователя пришли на квартиру, собрали, увезли и укрыли рубцовский архив, минуя всякие комитеты. Правда, все было сделано по закону, под наблюдением нотариуса, которого вызвал предусмотрительно мудрый Василий Белов.

— Представляешь, по рукописям, разбросанным на полу, ходили милиционеры в сапожниках...

Весь очередной день до самого поезда одиноко гулял по Вологде. Удивлялся, что до сих пор здесь сохраняются улицы с наименованиями старых большевиков. Впрочем, чему удивляться, сам живу на улице Володарского и никто пока не собирается ее переименовывать.

До революции Вологда обзывалась "Внутренней Сибирью". В ее полицейских участках зарегистрированы чуть ли не все "прогрессивные деятели" старой России. Кого только сюда не высылали: от народного Германа Лопатина — до анархиста Петра Лаврова. От невеликого тогда еще товарища Сталина, до сестры товарища Ленина. По улице Марии Ульяновой я как раз от безделья прогуливался.

В семидесятые годы Вологду называли "русским оазисом". Сейчас я бы ее назвал "Русской Америкой", так много тут было американской рекламы. В ларьках красовались "кемелы" и "сникерсы". На рынке продавали "ножки Буша". В кинотеатрах катили низкопробные американские фильмы. По улицам бегали Джеки и Джерри. В исполкомах сидели невесты откуда взявшиеся мэры. Шло новое "крещение" Руси. По правде говоря, я не против Америки, не против присутствия американских товаров. Я против духовной инвентаризации, против обрыва корней. Народ без корней — пролетарий, перекати-поле, растворимый народ. По такому народу звонит колокол.

Когда я учился в Вологде, тут жил "русский дух, тут Русью пахло". Сейчас этот запах заметно выветривался и не без помощи принудительной вентиляции.

Уезжал я с остатками разрозненного отряда "диких" поэтов. Сергей Сорокин — руководитель Рубцовского центра в Санкт-Петербурге, рассказал мне в вагоне, что убийца Рубцова живет в моем районе, работает в киоске "Союзпечать", и я, возможно, покупаю у нее газеты. Ее печатают, охотно дают эфир для телевизионных выступлений. Меня это не особенно удивило: идет "перестройка", убийцы сейчас в фаворе, им зеленый свет, а красному запрет. Красный, как внезапно выяснилось, — "тормозит ход истории".

Дома я думал о нашем паломничестве, вспоминал подробности и, когда позвонил Володя Меньшиков, попросил написать об этой поездке — охотно все описал.

Над концом немного задумался... над окончанием текстовым и сюжетным. Ду-мал-думал и решил, что лучше Рубцова не скажешь:

*Ну что ж, моя грешная лира,
Я тоже простой человек,
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навеки.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...*

С.-Петербург.

ОБРАЩЕНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ “НАШ СОВРЕМЕННОК”

Уважаемые читатели!

Прежде всего, с удовлетворением сообщаем, что нам — при вашей сердечной поддержке — удалось сохранить тираж журнала на уровне II полугодия 2000 г. Увы, как и прежде, крайне низок уровень подписки в библиотеках России (2—3% от общего числа). Между тем, в минувшем году два министерства — культуры и по делам печати — оказали целевую финансовую помощь 9 “толстым” литературным журналам для издания дополнительных тиражей для библиотек на общую сумму 22,5 млн. рублей (или по 2,5 млн. каждому). Нам — ни копейки. Выходит, вы, друзья, как бы и не налогоплательщики, из чьих средств и складывается бюджет, деньги из которого, как видите, тратятся государственными мужами по своему усмотрению (и симпатиям).

Вот строки из нашего письма Министру культуры РФ М. Е. Швыдкому, которое подписали Ст. Куняев, В. Кожин, В. Распутин, В. Личутин:

“... Поскольку теперь поддержку литературных журналов берет на себя Правительство РФ из госбюджета (и правильно, наконец-то!), мы вправе просить Вас о помощи наравне с другими нашими собратьями по литературному цеху”. И далее: “Если бы Вы, Михаил Ефимович, нашли возможность встретиться с нами, мы рассказали бы Вам (с цифрами в руках), какой ценой нам удастся удержать журнал “на плаву”: это и многомесячные вынужденные отпуска сотрудников, и уменьшение авторского гонорара, и другие малоприятные “акции”. Позвольте надеяться на понимание и поддержку”.

Скажем честно: надеемся, но мало. Нам очень нужна ваша, дорогие подписчики и читатели “Нашего современника”, моральная поддержка в

увеличении прежде всего библиотечной подписки — путем пропаганды журнала, коллективных ходатайств перед органами культуры, руководителями городских и сельских библиотек на местах о необходимости иметь в каждой хотя бы из крупных библиотек комплект журнала писателей России.

Обращаемся, уже в который раз, за финансовой помощью к состоятельным почитателям журнала (хотя знаем, что их немного).

Сообщаем свои банковские реквизиты:

ИНН **7702042678**
р/с **40703810638090101374**
ОСБ 7811 Мещанское филиал 0400 Сбербанк России г. Москва БИК **044525225**
К/с **30101810400000000225**.

От редакции “ТЛ”. “Наш современник” — лучший литературный журнал в России. Членами его редколлегии являются писатели, чьи имена не просто на слуху, их произведения составляют гордость современной русской прозы, поэзии, публицистики. Журнал публикует не только столичных литераторов, но и поэтов, прозаиков из глубинки, давая им возможность прозвучать на всероссийском уровне.

Так есть. И так было в советский период “Нашего современника”. Здесь публиковали свои произведения Николай Рубцов, Василий Шукшин, Валентин Распутин, Евгений Носов, лучшие свои романы напечатал в “НС” Виктор Астафьев и другие писатели.

Сегодня авторами журнала являются Владимир Личутин, Владимир Крупин. Юрий Бондарев, Александр Проханов, главный редактор “НС” Станислав Куняев, лучшие современные русские поэты Юрий Кузнецов, Глеб Горбовский, Валентин Сорокин...

Выписывайте “Наш современник” — призывает и “Тюмень литературная”.

Памятник Рубцову в Гюльме

“ВСЕ УЙДЕМ, НО СУТЬ НЕ В ЭТОМ...”

За те годы, что отделяют нас от дня трагической гибели Николая Рубцова, русская культура, пройдя мучительный путь осознания своей индивидуальности, “среди тревог великих и разбоя” снова вернулась к историческим ценностям, игнорируя влияние масс-медиа на свою израненную душу. И это излечение происходило не потому, что с нами рядом наши классики: Пушкин и Лермонтов (если говорить о литературе), Достоевский и Лев Толстой, Блок и Есенин... но и потому, что связующим звеном с миром красоты и глубины были наши современники: Николай Тряпкин, Анатолий Передерев, Владимир Соколов, Василий Федоров, Борис Примеров, Владимир Цыбин... И, конечно, Николай Рубцов.

Родившийся 3 января 1936 года, в поселке Емец Архангельской области, но выросший на воспитавшей его вологодской земле, прошедший все лихолетья военной поры и послевоенного обустройства, изведавший сиротство и познавший доброту простого народа, он сам плоть от плоти дитя Рос-

сии, стал национальным поэтом своей страны, так и не изведав при жизни ласки поэтической славы.

Он мог, имея песенное право, сказать о себе:

Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто.

Он действительно имел обостренный слух и песенный лад, недаром многие его стихотворения стали народными песнями. Поэзия Николая Рубцова — светлое напоминание нам всем о том, как вольна, как нежна, и незлобива душа русского человека, какие небесные звуки может исторгать она в минуты восторга и грусти. Полнокровную жизнью живут сегодня многие стихи поэта, ибо душа его была чиста.

Он ушел из жизни, как и предсказывал, в крещенские морозы — “Все уйдем, но суть не в этом...”. Да, суть не в этом. А в том, что Николай Рубцов родился поэтом, жил поэтом и для многих поколений останется одним из самых любимых певцов России, образом бескорыстной любви и служения Отечеству.

Анатолий Парпара.

Юрий Мешков

„ОНА НЕЗРИМА И ВОЛЬНА...“

Николай Рубцов старательно избегал деклараций. И потому в его наследии немного строк о поэзии. И все же нет-нет, да и выскажется он о том главном, в чем сам видел смысл своего творчества, а точнее — существования. Одно из таких изъяснений — “Стихи из дома гонят нас”. И особо — две последние строки:

*И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.*

Лирический поэт всегда легендарен. И потому фактам и событиям его биографии мы ищем отражение в стихах. А мотивы и образы стихов соотносим с его биографией. И чем больше знаем о самом поэте, тем глубже открывается нам мир его стихов. Словом — “она от нас зависит”.

И в связи с Николаем Рубцовым часто разговор заводим о его нелегком деревенском детстве, тяге к морю и матросской службе, перипетиях его учебы в Литературном институте, житейской неустроенности и трагической кончине. Вот встречаем у него строки:

*Душа матроса в городе родном
Сперва блуждает, будто бы в тумане:
Куда пойти в бушлате выходном
Со всей тоской, с получкою в кармане?*

И комментарием к этим строкам идет биографический рассказ о сиротской доле поэта и отсутствии у него своего угла. А рассказ о том, как часто он наведывался в родные края, как тяжело ему было расстаться (а все же расставался, и легко расставался) с деревней иллюстрируемым стихами:

*Деревня, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...*

Биографическое достаточно определенно подводит нас к тому, о чем писал поэт. Конкретный факт или событие, та

или иная ситуация помогают нам уверенно вести рассказ, о чем то или иное стихотворение. И поэзия оказывается иллюстрацией жизни, а коль так, то, действительно, — “она от нас зависит”. В таком случае прав критик-социолог, когда упрекает поэта, что он то-то и то-то не заметил в жизни и не отразил, а то-то и то-то хоть и заметил, но не так понял и отразил. Читаешь подчас подобное и думаешь: а причем тут лирика?

Мы часто упускаем то сущностное, что есть сама по себе лирика.

Дело в том, что лирика никогда не бывает о чем-то. Лирика всегда есть что. То есть она есть само переживание, а не стихотворный текст о переживании, она есть чувство, а не рассказ в рифму о чувстве, она есть состояние души, а не ритмическое повествование о состоянии души. Лирика — это переживание (чувство, состояние души), остановленное словом. Переведенное на язык события (факта биографии), переживание перестает быть лирикой.

В свое время В. Белинскому надо было показать ничтожность содержания и никчемность стихов Бенедиктова. Очень уж не глянулся критику этот поэт. И критик просто пересказал содержание ряда лирических стихотворений Бенедиктова. Чуть позже этим же приемом воспользовался Д. Писарев. Ему надо было поколебать авторитет Пушкина. И она стал пересказывать содержание отдельных лирических стихотворений великого поэта. И они, в пересказе критика, представляли забавно-никчемными в содержании своем. А соответственно и вся лирика Пушкина в изложении Писарева оказывалась забавой барина. И выходило: тачать сапоги занятие более полезное, чем писание стихов.

Этим приемом (пересказом лирического стихотворения) мы, к сожалению, и пользуемся чаще всего в анализе лирики. А потому “Добрый Филя” Николая Рубцова ставит нас прямо-таки в тупик непереводаемостью в план факта-события.

*Я запомнил, как диво
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...*

*Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.*

*Филя любит скотину,
Ест любую еду,*

*Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!*

*Мир такой справедливый,
Даже нечего скрыть!*

— *Филя! Что молчаливый?*
— *А о чем говорить?*

О чем говорить Филе? Обыденная повседневность кому обидна, а для него она и есть его жизнь, смысл ее и состояние его души. Можно сказать о чем-то, восхититься, когда состояние души колебнулось в сторону неожиданной радости, или опечалиться, когда — в сторону неожиданной напасти. Но когда все как надо, когда состояние души есть данность, которую не замечаешь, ибо другого и не представляешь себе, то тогда вместе с Филей восклицаешь: “А о чем говорить?”.

Николай Рубцов сумел уловить то состояние души как данности жизни, которой мы до него не находили слов. Он выговаривал это словом, и слово стало поэзией. Логически обрывисто, лишь деталями и всем настроением он фиксирует в пространстве стихотворения то, что чувствовалось нами, а вот выговорилось лишь поэтом. И здесь, конечно, его “Тихая моя родина”. Стихотворение это так цитировали, что, обращаясь к нему, я чувствую неудобство. А потому не буду цитировать, приведу другое. Исполненное в том же ключе:

*У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродея,
Люблю собирать волжуйки
На склоне осеннего дня.
Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурия осокой,
Плывет по каналу в лес.
И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с легким свистом
Слетает прохладный лист...
И словию душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц торопливых стая
Под куполом светлых небес!*

Вот вы прочитали это стихотворение. И попробуйте его пересказать. Или логически определить, о чем оно. Как только вы сделаете это, так тут же заметно растает то душевное состояние, та духоподъемность, которыми вызвано стихотворение. Да, не вызывает, а именно вызвано. Между состоянием души поэта, которое вызвало стихотворение, и состоянием, которое стихотворение вызывает у читателя, и стоит эта цепочка ладных слов.

В одном из писем Николай Рубцов упрекнул адресата: “В Вашем же стихотворении нет оригинального настроения, то есть нет темы души”. Здесь оригинальность настроения поставлена в прямую зависимость от темы души. И ясно, что акцент надо делать не на теме. Тему избрать легко, легко можно научиться разрабатывать ее. Душа же колы есть, то она есть, а чего не дано, то мастерством стихосложения не прикроешь. О том же и у Николая Рубцова:

*О чем писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воснет!
Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой возьмет поэт!
Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не лни,
Что звонко запоешь,
Любая тема —
Поля или моря,
И тема гор —
Все это будет ложь!*

Вот, как говорится, и приехали: “О чем писать? На то не наша воля!”. А чья же тогда? Тут мы и подходим к тому, чем же поэт зависим от поэзии.

Николай Рубцов — русский поэт 60-х годов XX века. 60-е годы обозначили кризис в духовном состоянии общества. Очевидна становилась утрата нравственных корней. Стон душевный испытывали многие, но не все находили ему слово или поступок. Вспомним героя рассказа В. Шукшина “Выбираю деревню на жительство”. Вспомним прозу В. Белова и В. Распутина. Духовно-нравственное начало, припадение к его истокам презрительно окрестили “деревенской прозой”. А лирику не очень удачно наименовали “тихой лирикой”.

В поэзии тогда был разгул стихотворства. Стихотворная публицистика выдавалась за накал гражданственности в нашей поэзии. Стихи несли на стадионы, произносили их под гул толпы. А тут Николай Рубцов!

Русское национальное искало себя в слове. И нашло в слове Николая Рубцова. Как за полвека до него нашло в слове Сергея Есенина. Оно предметно впечатлялось березовыми перелесками, озерными плесами, колокольней на холме, цепочкой деревенских домов по-над рекой, полями и пронзительными летними ночами под звездным небом. Оно было почвенным. Почва русского национального — это не тема. Это и есть то состояние души, которое требует слова. Слово это может дать Поэт. Таким поэтом и стал Николай Рубцов.

Тогда же почему “О чем писать? На то не наша воля!”. А потому, что истинная лирика — это слово на выходе душевного состояния. Оно (состояние) выливается в этом слове, а не в другом. Поэт подчинен этой воле. И больше ничему. Об этом в свое время писал А. С. Пушкин:

*Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дышанья жадно жедет?
Зачем от гор и мимо баиен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем арана своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет.*

После строк Пушкина, самое время полностью привести то стихотворение Николая Рубцова, заключительные строки которого я цитировал в самом начале статьи. Вот оно:

*Стихи из дома гонят нас.
Как будто ветер воеет, воеет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!
Скажите, знаете ли вы
О выюгах что-нибудь такое;
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?
А утрал солнышко взойдет —
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закят?
Вот так поэзия, она
Звешит — ее не останавлишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна...
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое.
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.*

Поэзия избрала именно Николая Рубцова, чтобы его словом выразить состояние души русского человека 60-х годов XX века. Так что стихи его — это никакая не “тихая лирика”. Это сама поэзия. Ей не место на стадионе и на митинге. Его строки не выкрикнешь. Это как перемолвиться между собой о том, что близко, дорого и взаимно знаемо. И потому доверительно — тихо выговариваемое.

Рубцовский Филя прав: “А о чем говорить?”. Несказанное им и призван был сказать Николай Рубцов. Свое предназначение он исполнил.

г. Тюмень

Сергей Чухин

Памяти Н. Рубцова

I

*Душа поэта всем видна.
И показалась мне она
Сироткой робкой, что одна
В деревне, под дождем, босая,
Дыханьем руки согревая.
Стоит у каждого окна
В простой надежде: кто-нибудь,
Быть может, пустит отдохнуть,
А завтра утром снова в путь...
Куда, зачем, в края какие?
Все вдоль по матушке-России
Сквозь день и сквозь ночную жуть.
Пускай порою на нее
Спускали псов, несли вранье —
Россия — вот ее жильё!
И после мостовой дороги
Речонка ей плескалась в ноги,
Сушила солнышком рванье.
Душа поэта! Ей бы в скит,
Подальше от людских обид.
Но мне рассудок говорит:
Она б и там все то же пела,
Она б и там за всех болела,
Как на небе за всех болит.*

2

*Не нарушим твоей тишины,
Не замути́м прозрачной протоки.
Чтобы явственной были слышны
Нам твои голубиные строки.
И грибов твоих не оберем,
И синиц твоих не испугаем.
Дышим дружеским старым добром
И на новое не уповаем.
Ты средь этих покатых полей
Жил с душою, что легче котолки.
Чем ты сам становился светлей,
Тем плотней обступали потемки.
Видно, боль наша не отболит,
Хоть и ходим с глазами сухими.
Негасимой свечою стоит
Светлый храм вологодской
Софии.*

Н. Рубцов и А. Шилов (редкий снимок)

Виктор Астафьев:

В России почти всегда посмертная судьба поэта удачливей прижизненной. Не был исключением и поэт Николай Рубцов...

Не мечталось Рубцову такое отношение к себе при жизни. Все чаще и чаще станут называть Николая Рубцова великим, иногда и гениальным поэтом. Да, в таких стихах, как "Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны", "Видения на холме", "Добрый Филя", "Шумит Катунь", "Прощальное", "В гостях", "Философские стихи" и в последнем, в чемодане найденном, откровение века: "Село стоит на правом берегу" — он почти доходит до гениальности. Но все же лучшие стихи поэта говорят об огромных, не реализованных возможностях. Он уже пробовал себя в прозе, он приближался к Богу...

Свершилась еще одна трагедия в русской литературе, убыла и обеднела жизнь на Руси, умолкнул, так и не набравший своей высоты, пронзительно русский национальный певец.

1999

Владимир Личутин:

Рубцов, пожалуй, последний из неудавшихся скоморохов, который позабыл все пляски и погудки, но сам, полный музыки, озирая сумеречные углы России, пытался припомнить их. Рубцов совершил свой крестный ход от самого рождения, и не было ему покоя.

Неуступчивый, взвихренный человек,

намертво перепоясанный вервью скитальца, Рубцов избрал для себя всю Родину одним большим гнездовьем: он хотел согреть его сиротской душой и обогреться в нем, но поэту неуютно в этой шире, в этом кочевье холмов и лесов, где редкий огонек разрежет тьму. Рубцов, чтобы видеть спасительный огонь, высоко вознес себя, а приспускаясь к земле, он боялся тяжкого гнета земли, ее остуды, и оттого взгляд его часто уходил в горные вершины, где живет лишенный суеты дух. Оттого слово Рубцова близко к тютчевскому и шергинскому: оно напоено духом, как бы ни темно оно было порою...

Рубцов, пожалуй, и замкнул тот поморский поэтический ряд, в котором он состоял по избранному народному и по духу. Небо было ему часто ближе и роднее земли. Одну огромную мировую душу, равномерно распределенную во всей вселенной, видел Рубцов. И вот подхватила поэта грохочущая железная машина, которая когда-то надвигаясь, лишь озирая зелеными глазами Николая Клюева, и унесла в себе, не давая покоя и мирного полустанка...

1989

Татьяна Гуськова:

председатель Тюменского отделения общества в защиту православной нравственности:

В "Дне литературы" (декабрь 2000) в статье "Мировое негодяйство" известный публицист А. Зиновьев пишет: "Взята установка на уничтожение русскости и она неуклонно проводится в жизнь: не допустить русских в мировую культуру, занизить достижения русской культуры, все русское стирается..."

Потому, когда меня спрашивают: что для тебя Н. Рубцов, ответ у меня готов сразу — это наш русский поэт!

Интересно, как сам Н. Рубцов пишет о Есенине, измеряя его на русскость:

*Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!
Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б первой системой вошли
В своеправность есенинской музыки.*

Есть в обиходе у нас такое выражение: "Это написано в духе..." Вот-вот. Н. Рубцов сумел пропустить через ум и сердце этот наш русский дух и в его стихи тоже вошли "все земные святыни и узы", все, что дорого русскому человеку.

Рационально мыслящие западники никак не возьмут в толк, что за феномен такой таинственная русская душа? Она не укладывается ни в какие кибернетические схемы. Ну что это? /"С каждой избою и тучею, /С громом, готовым упасть, /Чувствую самую жгучую/ Самую смертную связь".

А для нас, русских, — просто и понятно. Это — любовь к своей Родине. Неподдельная, непреходящая, одухотворенная.

Это свойство стихов Рубцова, когда любовь делается точкой отсчета и, умноженная на талант поэта, делает стихи божественными.

*Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны...*

Кстати, эти стихи у меня сами собой легли на музыку (это тоже о духовной связи с поэтом). В них как бы и цокот конских копыт в вечности, и глубокая грусть:

Россия! Как грустно!

*Как страшно пошлели и грустно
Во мгле над обрывом
безвестные нивы мои!..*

*Боясь, что над нами
не будет возвышенной силы,
Что выплыв на лодке,
повсюду достану шестом,
Что, все пошляя,
без грусти пойду до могилы...*

И на этом месте, наверное, каждый русский, любящий поэта, вздрагивает, памятуя о смерти Рубцова и думает: "Может быть, лучше, что не дожил до ужаса наших дней, когда уничтожение русскости стало нормой". Пророческие предчувствия поэта поразительны. И хочется вместе с ним кричать:

*Останьтесь, останьтесь,
небесные сищие своды!
Останься, как сказка,
веселье воскресных ночей!..*

Западный рационализм и "возвышенная сила", без которой русские себя не мыслят, — вещи несовместимые.

Поэзия Рубцова для меня, для русских, — классика (теперь уже), совесть и руководство к действию.

2001

Анатолий Передерев

КЛАДБИЩЕ ПОД ВОЛОГДОЙ

Края лесов полны осенним светом,
И нет у них ни края, ни конца —
Леса... Леса... Но на кладбище этом
Ни одного не видно деревца!
Простора перевозного избыток,
Куда ни глянь... Раздольные места...

Но не шагнуть меж этих пирамидок,
Такая здесь — до боли! — теснота.
Тяжелыми венками из железа
Увенчаны могилки навсегда,
Чтоб не носить сюда цветов из леса
И, может, вовсе не ходить сюда...
Одно надгробье с обликом поэта
И рвущейся из мрамора строкой
Еще живым дыханием согрето
И бережно прибрано рукой,
Лишь здесь порой, как на последней тризне,
По стопке выпьют... Выпьют по другой...

Быть может, потому, что он при жизни
О мертвых думал, как никто другой!
И разойдутся тихо, сожалея,
Что не пожать его руки...
И загремят им вслед своим железом,
Защевелятся мертвые венки...
Какая-то цистерна или бочка
Ржавеет здесь, забвению сродни...
Осенний ветер...
Опадает строчка:
"Россия, Русь, храни себя, храни..."
1987

Участники праздника поэзии «Дни Рубцова» В Сургутском педагогическом институте. *Фото П. Левченко*

Панорама современного Сургута

Николай Рубцов

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...
Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках пронесил!
И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнувшем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...
Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.
И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропадал, как виденье, меж этих померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..
О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная синяя птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!
Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!
Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..
Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.
И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Ханты-Мансийская писательская организация, областное общество русской культуры, объединение русских кадет в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в ГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Администрации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 16.04.2001. Тираж 1000 экз. Заказ № 631.

Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка Н. ПЕРМЯКОВОЙ,
С. МЫЛТАСОВОЙ.
Корректор В. БУМАГИНА, Е. АНТРОПОВА.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят
и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать
с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

